

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

4

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

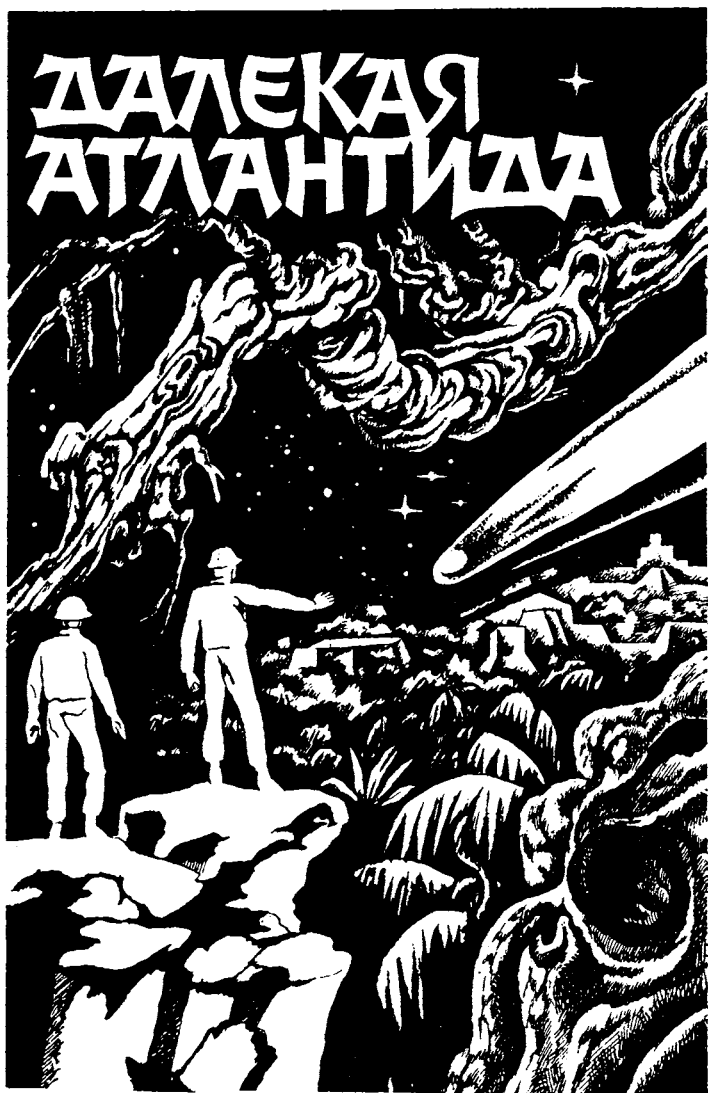

СВЕТА

1986

Владимир ЩЕРБАКОВ

Фантастическая повесть

Художник Наталья МАРКОВА

«Далекая Атлантида» — романтическое произведение о неведомой земле, которая, по словам Платона, располагалась некогда в Атлантике. Но у писателя на этот счет собственная концепция: ему удалось создать стройную гипотезу катаклизма, относящегося к десятому тысячелетию до н. э., в результате которого якобы и погибла Атлантида Платона. Писатель-ученый разыскал во время своих творческих командировок на Дальнем Востоке нечто такое, что, может быть, имеет прямое отношение к решению проблемы. Упавший на Землю гигантский метеорит или даже астероид непременно должен был разбудить земные недра. Вулканический пепел мог осесть после небывалых извержений далеко от главного места действия. И что же? Автор нашел в долине реки Берелех именно вулканический пепел. Это мощные слои глинистого лесса, в которых и погребены мамонты. Радиоуглерод дает дату — 11 800 лет тому назад. К тому же оказалось, что и отложения ила на дне ирландских озер, то есть на другом конце земного шара, — того же возраста...

Это лишь один из примеров, который показывает, с какими поисками и умозаключениями связан жанр фантастики.

Герои повести «Далекая Атлантида» — люди ищущие, как и сам автор.

Летчик-космонавт СССР, профессор К. ФЕОКТИСТОВ

РУТА

Над бамбуковой рощей проросли три звезды, когда мы вышли из темной воды, легли на деревянные лежаки, еще теплые, не остывшие после дневного зноя.

— Поймай мне богомола и расскажи об Атлантиде, — сказала Рута Беридзе.

— Ты видела когда-нибудь богомола? — спросил я, не оборачиваясь к ней, потому что мысленно перенесся к одной из трех звезд, и мне не хотелось сразу возвращаться.

— Нет. Ни разу не видела богомола. Только на картинке. Знаю, что это большой зеленый кузнечик.

— Это не кузнечик.

— Знаю, знаю. Но похож!.. В Тбилиси их нет.

— Здесь, на Пицунде, их тоже немного. — Я помолчал и спросил: — Хочешь, расскажу об Атлантиде? Боюсь только, что ты долго не уснешь потом.

— Это страшно?

— Да. Все атланты погибли во время катастрофы. Было это в незапамятные времена.

— Почему погибли?

Печатается с сокращениями.

— Почему случилась катастрофа?.. Думаю, упал тогда в океан гигантский метеорит, поднял водяной вал с километр или даже больше. Наверное, он пробил земную кору, выплеснулась магма, смешалась с водой, все там вскипело, и град раскаленных камней засыпал волшебный остров. Был взрыв космической силы. Тучи пыли и пара скрыли Солнце, Луну и звезды на много лет. И потому все в мифах начинается с хаоса. Сначала тьма, тьма, ни моря, ни суши, ни света, потом появляется Солнце.

— Я об этом так мало знаю!

— Но ведь твоя будущая специальность — кибернетика.

— А какая у тебя специальность?

— Атлантолог.

— Как ты ее приобрел?

— Читал Платона. Думал. Читал все, что написано об Атлантиде. Снова думал и читал, но уже по-другому: не соглашаясь с написанным.

— Хорошая специальность, интересная.

— Да. А богомола, Рута, я поймаю завтра, идет?

— Идет, атлантолог... Спокойной ночи!

* * *

В эту ночь мне снился город, древний и полуразрушенный... Вокруг ни души. Город атлантов? Не знаю.

Я всматривался в груды камней, обломки плит, выступавшие из-под земли, в мрачные трещины, разорвавшие улицы пополам. Когда-то здесь всколыхнулась твердь, и город умер. Землетрясение прокатилось, сметая дома, рассыпая их, как игрушки. Сколько с тех пор прошло времени? Во сне я будто бы пытался ответить на этот вопрос. Подспудная мысль становилась яснее и яснее: может быть, время текло здесь иначе, чем всюду. Как такое могло быть? Могло. Если только я видел следы той самой страшной катастрофы, о которой сложили мифы и легенды во многих местах, удаленных от этого города на тысячи километров.

Атлантиде не помогли божества, высеченные из черного базальта. Столица ее вместе с островом погрузилась в морскую пучину. Но по обе стороны океана располагались провинции и колонии атлантов. Что с ними случилось, с этими городами, которые были удалены от эпицентра небывалой катастрофы? И может быть, я видел как раз один из них?

Пустынно на улицах, лишь тень пролетной птицы скользит неслышно по краю провала. Может быть, здесь шумели некогда орды завоевателей, набегавшие, как волны прибоя? Кровь обгарила стены и пороги жилищ, капли ее застыли на солнце, ветер превратил их в пыль. Затем в долгие годы благоденствия женщины с браслетами на запястьях и щиколотках, увешанные драгоценными камнями на подвесках, были главным украшением города, и живые волшебные лики их после смерти остались на фресках среди домашней утвари, статуй богов, больших и малых, каждый лик хранил улыбку, страсть или невысказанную мысль — на веки вечные. Камни впитывали в себя жизнь лю-

дей с их силой и слабостью, удивительными находками ума, заблуждениями и фантазиями. Город мертв, но когда-то он жил своей особой неповторимой жизнью.

Что я вижу вокруг? Вот ящерица скользнула по обломку облицовочной плитки. На грани, присыпанной красноватой землей, остались отпечатки сухоньких лапок. Бусины ее глаз отразили свет на одно мгновение — и пропали. Я не слышу звука шагов — так бывает лишь во сне. Но я внимателен: передо мной неведомое. Ни за что не угадаешь, в какое время я попал, какие боги витали над крышами храмов, на каких наречиях здесь говорили.

Если вдуматься в значение увиденного, то множество догадок будут теснить друг друга, но это случится позже. А сейчас я как бы пробираться сквозь них ощупью, как в лесу. Свет солнца едва пробивается сквозь сеть лиан. И никого вокруг, кто смог бы ответить на мои вопросы.

За площадью, за разрушенными улицами я угадываю присутствие людей. Они далеко от меня. Может быть, это совсем другие люди, не те, что строили город и жили в нем. Но крепнет убеждение: я потому и увидел этот город, что кто-то здесь есть, кроме меня. И я, возможно, нужен им. Что ж, последуем дальше, на площадь, где теперь грациозно высятся капустные пальмы и папайи. Рядом со мной скользит тень. Очертания тени размыты. Я поднимаю руку, и тень повторяет мой жест. Выхожу на широкую лестницу, укрытую ползучими растениями. Справа и слева — квадратные в сечении колонны из черного камня, передо мной — площадка. Гигантская черная колонна в центре площади служит постаментом — наверху статуя человека, одна рука его покоится на бедре, другая указывает на север. Обелиски из такого же камня установлены по углам площади. На всем — следы забвения, запустения. Упавшие стволы гниют у самого постаamenta. Можно угадать линии улиц. Камни, из которых были выложены плоские циклопические кровли, обрушились, стены разрушены.

Напротив дворца — руины храма. Каменные стены покрыты резьбой, полустершейся от вихрей, несущих песок. Но когда-то с каменных стен смотрели на людей боги, а над их головами вешали священные птицы. Сверху, с портала, я пытаюсь разобрать надпись. Буквы напоминают греческие, но я не узнаю ни одной из них.

Я вхожу внутрь, вижу статуи, каменную резьбу, глубокие ниши, в которых гнездятся летучие мыши. Отсюда хорошо виден барельеф юноши над главным входом дворца. У юноши безбородое лицо, обнаженный торс, лента через плечо, в руке — щит.

С площади — по древней улице. Потом — направо. Город — за моей спиной. Оглядываюсь — тени и камни, камни и тени. Внизу — следы, они ведут к пропасти. Под кручей бежит поток, красные и черные глыбы выступают из голубовато-серой воды. Каменный коридор расходится в обе стороны, стены его, снижаясь, сходят на нет. Камень выскальзывает из-под ноги, и я падаю. Руки цепляются за стебли, загребают щебень. Тщетно. Я не могу удержаться на краю обрыва. Остается одно: оттолкнуться изо всех сил от кручи и упасть в воду. В считанные

мгновения пытаюсь сообразить, как перевернуться в воздухе, чтобы войти в воду ногами. Руки сами собой скребут шершавый край последней каменной плиты, по которой тело мое неминуемо съезжает вниз...

Только проснувшись и вспомнив сон, я осознал опасность. У меня и сейчас кружилась голова от высоты: двести метров, не меньше!

Что-то останавливало меня там... мешало приблизиться к краю обрыва. Что это было? Предчувствие, едва слышный сигнал, который, как ультразвук, остается за порогом восприятия?.. Слово кто-то невидимый предупреждал меня об опасности.

ПУТЕШЕСТВИЕ МАНУ

Ранним утром — купание в море. Чаша синей, успокоившейся за ночь воды. Вдали от берега светилась широкая струя течения, уходившего на юго-восток, к турецкому берегу; вблизи вода была жемчужно-мерцающей, ленивой, сонной.

И все утро потом — стыдно признаться в этом — я бродил поодаль от Дома творчества в зарослях ежевики, где надеялся поймать богомола. Ежевика уже созрела, я дотягивался до черных мягких ягод, и моя голубенькая рубашка стала пестрой от их сока и зелени. Я вернулся в корпус, переоделся, позавтракал. Снова пляж... Рута царственно сидела в тени, ее окружали трое молодых людей. Была она в оранжевой юбке, расшитой бисером, алых туфлях, каблук которых расписаны золотыми треугольниками, легкой жакетке.

Я расположился неподалеку. Она подошла.

— Вы уже полчаса как пришли и до сих пор не соблаговолили поздороваться со мной!

Так и сказала: «Вы... не соблаговолили...»

— Но что я могу предложить вам, — ответил я в тон ей, — кроме очередного купания? К тому же я не поймал богомола, несмотря на обещание.

— Вздор. Мы будем говорить об Атлантиде.

— Хорошо.

— Продолжайте с того места, на котором вчера мы остановились. — Она присела на лежак, и мы снова перешли с ней на «ты».

— Я расскажу тебе о том, как рыба предупредила Ману о потопе.

— Расскажи. Если это связано с Атлантидой. И если это не сказка.

— Конечно, связано. Потоп случился тогда же. Вслед за Атлантидой погибли многие цветущие города морских побережий. И само собой разумеется, это не сказка.

— Милостиво разрешаю рассказывать...

— Когда-то давным-давно жил мудрец по имени Ману. Много позже его провозгласили богом, как многих мудрецов. Но при жизни нередко было ему несладко от людских козней, и он всерьез подумывал, что пришла пора построить корабль и отплыть к другим берегам.

— Учти, если это окажется сказкой, тебе не поздоровится.

Будешь тащить мой чемодан в день моего отъезда до самого вокзала.

— ... и тебя в придачу. Неужели ты думаешь, что подобная кара остановила бы меня, вздумай я рассказать сказку?

— Продолжай.

— Отдыхая после дневных трудов, Ману увидел рыбешку, выброшенную волной на берег. Он поместил ее в кувшин с водой и выхаживал семь месяцев и семь дней, кормил ее крохами со своего стола, не забывал менять воду. Отправляясь к своему стаду, поручал заботы о рыбе верному другу Сауаврате. Наконец пришло время расстаться с рыбой, ведь она выросла, и кувшин стал ей тесен. Принес ее Ману на берег реки Ганг, королевы всех рек, положил кувшин в воду. Выплыла из него рыба и говорит человеческим голосом: «О Ману, самый добрый из мудрецов! Знай, что наступают дни страшного конца всего живого. Будет потоп, и погибнут три мира, погибнут люди и звери, растения и птицы. Построй корабль, Ману, тот самый, о котором ты мечтал. Взойди на корабль и возьми с собой все, что хочешь спасти. Увидишь ты в море на седьмой день плавания мою старшую сестру, великан-рыбу, и она подскажет тебе, куда плыть дальше. На седьмой месяц плавания увидишь мою мать родную, самую большую и мудрую из рыб. Она поможет тебе!» С этими словами всплеснула рыба хвостом и была такова. А Ману задумался...

Задумалась и Рута, словно решая, сказка это или нет. Но вот она едва заметно кивнула, и я продолжал:

— Утром рано, с восходом, вышел Ману к лагуне, заложил корабль и каждый день приносил по кедру; звенел бронзовый топор в руках мудреца, ибо знай, Рута, что топоры тогда делались из бронзы, лишь руки у мастеров были золотыми, что же касается железа, то провидцы еще в незапамятное время наложили запрет на него, чтобы оно не смогло привести к гибели лесов, пастбищ и зверя лесного и морского... Вскоре корабль был готов. Киль его соорудил Ману из самого крепкого дерева, мачту поставил такую, что она не ломалась при самом сильном ветре, лишь гнулась и поскрипывала. Все сделал Ману своими руками, все до последнего шангоута! И отплыл, взяв на борт друзей своих, семена злаков, детенышей зверей. Плыл-плыл, увидел на седьмой день голову огромной рыбы, и что-то она говорила ему, но таким низким голосом и так медленно, что стоял он на якоре еще семь дней и семь ночей, пока не выслушал ее. Указала ему рыба дорогу. И снова пустился корабль в путь со свежим попутным ветром. Семь месяцев незаметно прошло. У Ману отросла такая борода, что, когда он сбрил ее топором, волос хватило, чтобы подновить такелаж и хорошенько привязать бочки со едой и питьем на случай будущих невзгод. Вдруг из моря показался живой холм, увенчанный рогом. То была мать-рыба. И понял в тот час мудрый Ману, что надо делать. Привязал он канат к рогу рыбы, и повела рыба судно к самой высокой горе — северной вершине Гималаев. Высадился Ману с друзьями. Потом семь дней ярилась стихия. Начался потоп, исчезла суша под волнами, дожди были такие, что все реки Земли слились. Всемирный потоп. Лишь гора Ману высилась среди вод.

— Сказка! — негромко воскликнула Рута после минутного молчания.

— Ты думаешь, рыбы с рогом не было? Была! Даже сейчас есть такие рыбы.

— Что же это за рыбы, позволь тебя спросить?

— Это глубоководные рыбы. Есть у них на носу и наросты, похожие на рога, и даже белые фонари, которые им освещают путь в глубине, где вечный мрак.

— Об этом я слышала. Но почему вдруг глубоководная рыба всплыла?

— Потому что многие животные и рыбы чувствуют приближение землетрясений. И тогда обитатели глубин всплывают и даже приближаются к самому берегу. Это я твердо знаю, даже встречался на конференции с японским ученым, который публикует по этой теме статьи.

— Значит, правда?

— Миф, конечно. Люди после катастрофы утратили многие знания, они не только разучились строить корабли и рисовать на стенах пещер, они были на краю гибели. До них дошли отголоски той допотопной истории, и они облекли их в форму мифа. Это и хорошо, в такой образной форме миф дошел до наших дней. Ведь сказки почти бессмертны в отличие от научных теорий, например, которые быстро стареют. Может быть, я преувеличиваю, но факт остается фактом: древние люди знали о способности животных чувствовать приближение катаклизмов и землетрясений.

— Скажи-ка, — в раздумье произнесла вдруг Рута, — а если на Землю упал астероид или метеорит, то, выходит, рыба смогла угадать время его падения?

— Сложный вопрос, — замялся я. — Были грандиозные землетрясение и моретрясение. Я говорил вчера о метеорите. Наверное, именно он виновник всему. Но как рыба могла почувствовать его падение, ума не приложу.

* * *

Легенду о Ману с моими комментариями я когда-то изложил в письме к Хацзу Хироаки, японскому журналисту, с которым познакомился в Москве. Это он рассказал мне о глубоководных рыбах, подплывающих к самому берегу перед землетрясением. Получив мое письмо, он удивился тому бесспорному, с моей точки зрения, факту, что все это имеет отношение к Атлантиде.

Позже он написал мне, что почти так же ведут себя каракатицы, всплывая на поверхность моря за три-четыре дня до стихийного бедствия. Они словно заглядывают в будущее. Любопытная деталь: эти обитательницы глубин становятся вялыми, сонными, очень неохотно выпускают «чернила» — темную жидкость, которая маскирует их. Словом, они впадают в транс, и тайна этого трансa почти сопоставима с тайной мифической земли Платона,

ПОЛЕТЫ НАД РУИНАМИ

Что же это за город? Я снова брел по его полуразрушенным улицам, разыскивал следы, оставленные неизвестными мне людьми. И нашел их. Они привели к реке, но в другое место, не туда, где обрыв и пропасть. Находилось это место, вероятно, выше по течению, за излучиной.

Открылся широкий плес, пологая равнина. Только у окоема я различал скалы и возвышения. Кусты и деревья... Вдали у рощи — храм. Пологие ступени вели к колоннаде. Я приблизился к зданию. Оно довольно хорошо сохранилось. На камнях — едва приметные красноватые следы (земля здесь всюду красная, жирная, липкая). Похоже на то, как если бы неизвестные люди прошли здесь незадолго до меня. Следы вели в храм. Я вошел, крикнул. Ответило гулкое эхо, которое долго не затихало. Впечатление было такое, будто я разбудил этот огромный зал и он теперь рад поговорить со мной. Только вот о чем именно собирался он рассказать? И тут я заметил двустворчатую деревянную дверь. Она была похожа на современную, хотя я не сразу это понял. Пока шагал, эхо сопровождало меня, обгоняло и отставало, словно играя. Толкнул дверь, она подалась. Подо мной были ступени, темные камни растрескались, ярко-зеленые пучки травы вылезли из трещин, а ниже я увидел целый парк. Похож он был на английский, шпалеры кустов выстроились так, что с высоты лужайки казались бархатными квадратами и прямоугольниками. И там, в парке, я наконец увидел трех человек. Одеты они были странно: короткие брюки, легкие белые ботинки — и все. В следующее мгновение я заметил еще широкие светлые ремни. И тут же увидел четвертого человека. Он летел над землей на высоте примерно двухсот метров. Нет, у него не было крыльев — он раскинул руки и парил над парком, а трое следили за ним. Человек коснулся рукой пояса и стал медленно, кругами снижаться. Описывал он скручивающуюся спираль, и я насчитал восемь витков. Резкое торможение — и человек сложил руки. Полусогнутые ноги коснулись земли...

* * *

— Ты не находил моей булавки? — спросила Рута за завтраком, улучив минуту, когда наши соседи по столу пошли на кухню за добавочной порцией отварного картофеля.

Я сделал вид, что не расслышал вопроса. В самом деле, что ей ответить? Я отлично знал, о какой булавке шла речь. Это была та самая булавка, которая нередко красовалась на подоле ее юбки. Булавка величиной с мою авторучку. Я думал сначала, что она серебряная, но, когда нашел ее на пляже, в песке, увидел — обыкновенная, стальная. Была у нее любопытная особенность: по металлической проволоке скользил шарик, но не снимался — мешало утолщение. Я и так и сяк рассматривал это утолщение, ограничивающее свободу передвижения шарика, но не мог понять, как оно сделано. Проволока в этом месте раздваивалась, и один ее конец был навит на другой, но так, что витки намертво соединились друг с другом.

Позже я понял, что это изображение змеи, вероятней всего, кобры. Когда-то она считалась священной. Золотая кобра украшала головной убор Нефертити. Кобра на булавке была продолжением дерева и обвивала это дерево.

— Булавка... — откликнулся я, когда Рута повторила вопрос. — Булавка... Я где-то видел ее, кажется, на твоей юбке.

Она замолчала, искоса рассматривая меня. Я не умел лгать, но сейчас вынужден был это сделать. Булавку отдавать сейчас не хотелось. Когда-то я видел образцы таллия, древнего магического металла атлантов. Так вот, шарик на булавке был таллиевый. Я собирался вернуть булавку потом, а сначала — тайно, конечно, — хотел установить, не сохранилась ли древняя традиция работать с таллием в мастерских грузинских умельцев.

* * *

Мы вышли на улицу и направились к базару. Долго ходили вдоль длинных рядов со снедью, и мне все время казалось, что Руту это великолепии не очень интересует.

— Тебе не нравится этот арбуз, красавица?! — воскликнул молодой грузин в черной рубашке с белым галстуком и что-то добавил на своем языке.

— Нравится — ответила Рута по-русски и прошла мимо, сопровождаемая горячими взглядами базарных завсегдатаев. Я обратил внимание, что Рута ни разу не ответила по-грузински, ни разу не остановилась рядом с зазывалами, не проявила интереса к моим переговорам относительно цен. И мы довольно быстро ушли с базара, направившись к курортной зоне, где за широкими воротами разместились огромные корпуса, каждый из которых был назван именем собственным. Вскоре мы оказались возле корпуса «Золотое руно». Я думал, это просто прихоть Руты — побродить по парку, — но это было, судя по всему, не так. Она попросила подождать ее у киоска, где готовился кофе по-турецки. Я заказал кофе, но когда Рута отошла на несколько шагов, последовал за ней. Она остановила меня. В следующую минуту, едва Рута скрылась за углом, я перебежал к другому киоску и увидел, как она вошла в застекленное помещение первого этажа. Я наблюдал. Вот она остановилась у зеркала, постояла и быстро направилась по лестнице вверх.

Только через полчаса я увидел ее сбегавшей по той же лестнице и отпрянул в сторону, чтобы она ненароком не заметила, что я подглядываю за ней.

— Твой кофе остыл, — сказал я, когда она подошла к столу. И тут же заметил на ее юбке большую булавку, в точности такую же, как та, о которой мы недавно беседовали.

Мы вернулись в Дом творчества на автобусе, едва успев к обеду.

После обеда я не пошел на пляж, а отправился в номер, нашел булавку. Острие ее торчало, как антенна. Я приколол булавку к наволочке и отправился на пляж.

Мы сели в верткую плоскодонку, уплыли за мыс, где рыбаки

растягивали на шестах сети. На море разгулялась волна, и мы повернули назад. Волны вздымались все выше, и я долго не мог пристать. Наконец мне это удалось, я поднял Руту на руки и вынес на сухой песок. При этом успел заметить, что булавка ее едва держалась на бордовой юбочке, потому что была расстегнута. Рута отколола булавку, спрятала ее в сумочку и быстро ушла к себе.

ВЕЛИКИЙ МОРСКОЙ ЗМЕЙ

От кудлатого облака бежала вечерняя тень. Скрылись куда-то оранжевые бабочки, притихли стрекозы. У края поляны еще изумрудно сияла трава под солнцем, и волны крон оживали под порывом ветра. Тень быстро побежала туда и погасила свет. Вечер стал другим. Проснулась какая-то давняя тревога. Я обогнул озеро, вышел к ресторанчику «Инкит». Название это я переводил как «Чрево кита». Один из отдыхающих приходил сюда по вечерам и кричал официанту: «Три кварка для мистера Марка!»

Я увидел, как дорогу на виду у завсегдатаев «Чрева кита» пересек человек. Ни один из них и бровью не повел, а я встрепнулся вдруг, словно коснулся тайны. Человек шел неторопливо, на нем были светлые ботинки, белые брюки, его каштановые волосы сливались по тону с рубашкой. Я невольно перешел дорогу вслед за ним и понял, почему это сделал: белый кожаный пояс его брюк напомнил мне о полетах во сне.

Я перешел на другую сторону шоссе, обогнал этого человека и наконец рассмотрел его лицо. Да, мы встречались раньше. У реки...

Через несколько минут мы дошли до курортной зоны, и этот человек исчез за воротами, кивиув вахтеру, как знакомому.

Меня же вахтер задержал, потому что визитки отдыхающего в «Золотом руне» или «Дельфине» у меня не оказалось.

* * *

Мне легче описать внешность человека, если сослаться на археологические примеры. Человек в белых брюках был похож на восточного кроманьонца: выше среднего роста, глаза выпуклые, нос прямой, лоб высокий, но, в общем, его нетрудно спутать в толпе с другими, ведь большинство из нас — прямые потомки восточных кроманьонцев.

Я вернулся к озеру. Сомнений не оставалось: он из тех, кто в моем сне парил близ руин города. Значит, это был не сон?..

Налетел порыв ветра, вспорхнули растрепанные птицы, по озеру прошли волны ряби. Наступали сумерки.

* * *

Утром следующего дня я проспал завтрак. Руты не было на пляже, и я пошел ее искать. Я спросил о Руте у дежурной по корпусу.

— Высокая такая, красивая, волосы как темная волна...

— Твоя высокая пошла вон в ту сторону... — сказала она. — И не одна, а с молодым человеком.

— С шатеном... в белых брюках?

— С ним.

У следующей остановки автобуса я их увидел. Да, это был тот самый человек. Они попрощались, и Рута быстрым шагом направилась к Дому творчества, а я стоял на месте и не знал, что мне делать. Она увидела меня и как ни в чем не бывало подошла, взяла под руку.

— Расскажи об Атлантиде!

Ресницы Руты дрогнули, глаза погасли и вспыхнули снова темным огнем. Ее обычная просьба сегодня застала меня врасплох.

— Расскажу, что на ум придет, ладно?

— Ладно, — ответила она.

Я стал рассказывать о Платоне, его предках, его ученике Аристотеле, который осмелел своего учителя, а заодно и Атлантиду.

— Атлантида была островом, который получил в удел Посейдон. Этот бог населил страну своими детьми, зачатыми от смертной женщины. Само слово «бог» не должно служить поводом для немедленного опровержения Платона: ведь наука уже давно доказала, что легенды древних зачастую основаны на подлинных событиях.

— И это правда? — спросила Рута. — Ты веришь?

— Платон выделяет Посейдона среди обитателей острова. А в том, что остров Атлантида был населен, сомневаться не приходится. Об этом говорят концентрические рвы и валы, сходные, в общем, с теми, которые позже, уже в историческое время, соорудались вокруг городов. По Платону, Посейдон был переселенцем. Как он попал на этот остров, можно лишь гадать. Однако заметь, он остался в памяти островитян богом.

— Кем же был Посейдон? — спросила Рута.

— Кроманьонцем.

— Кое-что я о них знаю...

— Это были рослые люди. В пещерах Испании и Франции, даже на Урале в Кунгурской пещере остались их росписи. Люди эти были прирожденными художниками. Два дерущихся бизона, изображенные в пещере Дордонь, — это шедевр даже по современным понятиям... Бизон из Альтамыры, голова быка из Ласко, пещерный медведь из Дордони. Могу назвать многие изображения, сохранившиеся до наших дней. Как будто они нарочно рисовали простыми, прочными, не стареющими красками, замешенными на костном жире... Чтобы рисунки сохранились до наших дней... Восточные кроманьонцы строили дома из костей мамонта, из дерева, из дерна. У нас под Владимиром найдена стоянка Сунгирь, где двадцать тысяч лет назад жили такие вот охотники на мамонтов. Откуда они взялись на планете, никто не знает до сих пор... А в Италии найден грот, где похоронен кроманьонец ростом метр девяносто шесть. Я назвал это захоронение могилой Посейдона. Так вот, могилы таких богов-кроманьонцев все чаще находят рядом с останками обычных людей. Хочешь знать, что это означает, по-моему?

— Конечно. Очень хочу, — сказала Рута.

— Это означает, что кроманьонцы селились среди людей, передавая им знания. Они становились вождями и учили людей противостоять трудностям, не зависеть от природы. Тогда был еще ледник, растаял он лишь после катастрофы, когда Атлантида погрузилась на дно морское и перестала загроживать путь теплomu Гольфстриму на север, к Европе.

— Но зачем они бродили по планете? Зачем селились вдали от родины?

— Может быть, то были родственники атлантов, потерпевших кораблекрушение у берегов Европы.

— Что же потом?

— Потом начали таять ледники в Европе, море поднялось. Это был второй, как бы замедленный потоп. Спаслись жители небольших городов внутри страны, в горных долинах.

— Они, эти боги первой зари человечества, уже знали простой парадокс: над природой нельзя властвовать, если не подчиниться ей...

Это сказала она... Мне осталось одно: скрыть изумление, что я и сделал, может быть, несколько неуклюже — замолчал вдруг и стал разглядывать с преувеличенным вниманием камни на дне ручья.

— Ты любишь море... — снова сказала она.

— Да. — И я стал рассказывать ей обо всем, что знал: о летучих рыбках величиной всего лишь с бабочку, о птероподах, моллюсках с крылышками, порхающих в воде, как мотыльки, о рыбах-свистульках и рыбах — аккумуляторах электричества.

Увлёкся и вспомнил Великого морского змея.

— В этом году его видели в Атлантике, — сказала она, и я подумал, что ослышался. — Голова у него метровая, глаза как автомобильные фары, хвост и плавники как паруса. Описал его один уругвайский журналист. Змей подплывал к самому берегу. Что бы это могло означать, атлантолог?

При этих словах меня словно бы ударило током. Я спросил:

— Землетрясение?..

— Да, — ответила она. — Точнее, моретрясение. И случилось оно на пятый день после того, как змея увидели у берега. Он почувствовал... и всплыл. Ведь я твоими словами объясняю это, правда? — Она испытующе смотрела на меня, а я все не мог справиться с замешательством. Вспомнил, что газеты действительно сообщали о морском змее у берегов Уругвая, но не я, а Рута объяснила его появление!

* * *

Роняя книгу на пол и закрывая глаза поздней ночью, я думал о городе. И о Руте. Я связывал теперь ее с этим таинственным городом, видел ее лицо на фоне старых каменных плит. Руины оживали, и я мысленно брел по развалинам, гадая, когда же произошло здесь землетрясение.

Что касается людей, которые летали, то их появление я отнес сначала к области галлюцинаций. Однако вскоре убедился, что ошибся.

* * *

Сегодня в ответ на неожиданный, как мне казалось, вопрос: «Что все происходящее означает?» — Рута обворожительно улыбнулась. Вечером, едва над морем зажглись две красные звезды, она сказала, что уезжает. Куда? Домой. Она не хотела говорить этого заранее. Провожать?.. Нет, не надо. За ней придет машина...

За рулем кремовой «Волги» сидел тот самый человек, которого я видел с ней. Только теперь на нем был костюм серого цвета и острижен он был коротко и оттого, наверное, казался моложе.

— Прощайте! — Она царственно протянула мне руку, и я, следуя старинному этикету, коснулся губами ее длинных пальцев.

Машина рванула с места. Она даже не оглянулась.

* * *

Утро. Яркое солнце. Я несколько минут лежу с открытыми глазами, потом встаю. Теперь все эти три недели кажутся сном.

Убираю постель, обнаруживаю пропажу. Нет булавки! Обыскиваю комнату. Тщетно. Дожидаюсь уборщицы, начинаю объясняться.

— Да зачем мне ваша булавка! — восклицает она и в сердцах хлопает дверью.

ЧЕРНАЯ СТАТУЭТКА

Незаметно пролетела зима.

Два направления поисков всецело захватили внимание. Я знал наизусть все перекрестки и улицы опустевшего города, бродил там, кажется, не только во сне, по ночам засыпал над картой.

В один из дней грезы о далеком городе, оставленном потомками атлантов, обернулись неожиданным приключением. В семь вечера я оказался в зоологическом музее университета, протиснулся в зал. Здесь должна была состояться лекция по моей теме. Докладчик довольно молод, самоуверен. Сначала он напомнил о недавно обнаруженных британским археологом Мальмстромом двенадцати гватемальских изваяниях. К каждому изваянию археолог подносил компас, и стрелка его отклонялась. Каменные фигуры, изображавшие людей, оказались магнитными. Они старше китайского компаса на две тысячи лет. Какая роль предназначалась им тысячелетия назад? Неизвестно. Кто их создал?

Леонид Петрович Карагэзов — так звали докладчика — не без иронии привел слова Мальмстрема:

— «Для ольмеков или их предков непознанные законы магнетизма могли быть магической силой, такой же непонятной, как загадочные миграции морских черепашек в океане», — А затем

добавил: — Так, найденный через четыре тысячи лет после нас обычный чайник может привести наших потомков к выводу: люди двадцатого века считали пар магической силой...

Едва успели оценить критический ум докладчика, едва утихли ссешки, как вдруг я заметил впереди, во втором ряду, человека из моего сна. Он улыбнулся, хотя глаза его остались серьезными и внимательными. Я наблюдал за ним исподволь, соблюдая на всякий случай осторожность. Это был человек, которого я видел с Руттой... Он внимательно слушал Караганова, иногда что-то записывал в блокнот. Теперь на нем была кожаная куртка.

А докладчик говорил о том, что еще в начале века находили фигурки людей, подобные гватемальским. Но тогда не знали, что они магнитные. Караганов достал фигурку женщины из темного камня. У меня почти не было сомнений: такой же темный камень я где-то уже видел...

Человек, за которым я наблюдал, извлек из своего бокового кармана точно такую же статуэтку. Он держал ее у колен, переводя взгляд со своей вещицы на ту, что демонстрировал Караганов, словно убеждаясь в тождестве илн, может быть, отыскивая едва уловимые различия.

Я не спускал с него глаз. Вот человек спрятал статуэтку. Незаметно кивнул, словно одобрил слова Караганова, вспомнившего о старом эксперименте с подобной же статуэткой, найденной в Южной Америке. Статуэтка обладала престранным свойством: каждый, кто брал ее в руку, словно бы ощущал слабое покалывание электрического тока.

— Может быть, это магнитная запись? — сказал Караганов. — Может быть, фигурки намагничены намеренно и слабый электрический ток, покалывающий руку, — сигнал?

И опять человек, за которым я наблюдал, едва заметно кивнул.

— Какое это имеет отношение к Атлантиде? — спросил Караганов. И тут же ответил: — Способ записи вполне мог быть там известен. Послушаем человека, который доверился древнему разуму и записал свои впечатления. Его имя Хокинс. Именно он оказался способен почувствовать, что сигналы несут информацию. Информация эта необыкновенна: не слова возникали в сознании Хокинса, а образы. Атланты владели секретом непосредственной передачи образов. Может быть, записывать образы на камне или на магнитной руде гораздо проще, чем записывать слова? Мы этой гайной еще не овладели.

И Караганов зачитал протокол опыта, написанный Хокинсом:

— «Я вижу большой, неправильной формы континент, простирающийся от северного берега Африки до Южной Америки. На нем многочисленные горы, вулканы. Растительность обильная — субтропического или тропического характера... На африканской стороне континента население редкое. Люди хорошо сложены, необычного, трудно определимого типа... Вереницы людей, похожие на священнослужителей, входят и выходят из храмов; на их первосвященнике, или вожде, надета нагрудная пластина, такая же, как и на фигурке, которую я держу в руке. Внутри храмов темно, над алтарем видно изображение большого гла-

за... Слышу голос: «Узри судьбу, которая постигает самонадеянных! Они считают, что творец подвержен их влиянию и находится в их власти, но день возмездия настал. Ждать не долго, гляди!..» Вижу вулканы, пылающую лаву, стекающую по склонам... Море вздымается, огромные части суши исчезают под водой...»

«ЧИТАЙТЕ ФОСЕТТА...»

Я боялся, что после лекции он скроется в толпе и ускользнет. Но мне удалось догнать его.

— Подождите! — крикнул я.

Он оглянулся, но не остановился. Я взял его за рукав кожаной куртки, сказал первое, что пришло в голову:

— Мы с вами где-то встречались...

— Быть может.

— Я видел вас на Пицунде.

— Вероятно. — Он был невозмутим: мимо нас шли люди, и мы отступили в угол просторного холла.

— У меня к вам вопрос...

— Ну что ж... — Он кивнул, как там, на лекции — изящно, легко.

— Где нашли статуэтку?

— Читайте отчеты Фосетта, — ответил он, ни на секунду не задумавшись.

— Но у Фосетта нет ответа на этот вопрос!

— Попробуйте прочесть документы, на которые он ссылался. Извините, но по некоторым причинам я не могу прямо ответить на ваш вопрос...

* * *

В ту же ночь я прочел все отчеты и документы, упомянутые англичанином Перси Гаррисоном Фосеттом, который на свой страх и риск отправился в начале века в бразильские джунгли. Он грезил городами атлантов, которые могли остаться там, вдали от современной цивилизации. Он собирал по крупицам свидетельства конкистадоров и искателей золота инков. За безуспешные, в общем, поиски он заплатил жизнью. Следы его последней экспедиции утеряны. Быть может, навсегда.

Фернанду Рапозо был один из тех, кто оставил записи о своих путешествиях в те загадочные земли. Фосетт изучал эти записи. К утру я обнаружил нечто поразительное: в записях Рапозо есть место, где говорится о городе моих грез. О том самом городе! Я перечитывал страницу за страницей и не верил своим глазам.

Почти все я узнавал в описании, оставленном искателями приключений. Только тогда джунгли еще не успели скрыть город, и он был залит солнечным светом. Вот они, эти страницы...

«...Отряд шел по болотистой, покрытой густыми зарослями местности, вдруг впереди показалась поросшая травой равнина с узкими полосками леса, а за нею — вершины гор. Рапозо описывает их весьма поэтично: «Казалось, горы достигают неба и служат тронem ветру и даже самим звездам».

Это были необычные горы. Когда отряд стал подходить ближе, их склоны озарились ярким пламенем: шел дождь, и заходящее солнце отсвечивало в мокрых скалах, сложенных кристаллическими породами и дымчатым кварцем, обычным для этой части Бразилии. Склоны казались усеянными драгоценными камнями. Со скалы на скалу низвергались потоки, а над гребнем хребта повисла радуга, словно указывая, что сокровища следует искать у ее основания.

— Знамение! — вскричал Рапозо. — Мы нашли сокровищницу!

Пришла ночь, и люди были вынуждены сделать привал, прежде чем достигли подножия этих удивительных гор. На следующее утро, когда взошло солнце, они увидели перед собой черные грозные скалы.

Люди разбили лагерь и расположились отдыхать, как вдруг из зарослей донеслись бессвязные возгласы и треск. Люди вскочили на ноги и схватились за оружие. Из чащи вышли двое.

— Хозяин! — закричали они, обращаясь к Рапозо. — Мы нашли дорогу в горы!

Бродя в невысоких зарослях в поисках дров для костра, они увидели высохшее дерево, стоявшее на берегу небольшого ручья. Лучшего топлива нельзя было и желать, и оба португальца направились к дереву, как вдруг на другой берег ручья выскочил олень и тут же исчез за выступом скалы. Сорвав с плеч ружье, они бросились за ним.

Животное исчезло, но за скалой они обнаружили глубокую расщелину и увидели, что по ней можно взобраться на вершину горы.

Об отдыхе тотчас забыли. Лагерь свернули, люди с поклажей отправились вперед. Искатели приключений один за другим вошли в расщелину и убедились, что дальше она расширяется. Идти было трудно, хотя местами дно расщелины напоминало старую мостовую, а на ее гладких стенах виднелись полустершиеся следы обработки каким-то инструментом. Друзы кристаллов и выходы белопенного кварца наводили на мысль о сказочной стране. В тусклом свете, среди ползучих растений, все представлялось волшебным.

Через три часа мучительного подъема, ободранные, задыхающиеся, они вышли на край уступа, господствующего над окружающей равниной. Путь отсюда до гребня горы был свободен, и скоро они стали плечом к плечу на вершине, пораженные открывшейся перед ними картиной.

Внизу на расстоянии примерно четырех миль лежал огромный город.

Они отпрянули и бросились под укрытие скал, боясь, что жители города — а это могло быть поселение ненавистных испанцев — заметят их фигуры на фоне неба.

Рапозо ползком поднялся на гребень скалы и лежа осмотрел местность вокруг. Горная цепь простиралась с юго-востока на северо-запад; дальше к северу виднелся подернутый дымкой сплошной лесной массив. Прямо перед ним расстиралась обширная равнина, вся в зеленых и коричневых пятнах, местами на ней блестели озера. Каменная тропа, по которой они прошли, продолжалась на другой стороне хребта и, спускаясь, уходила за

пределы видимости, потом появлялась снова, извиваясь, проходила по равнине и терялась в растительности, окружавшей городские стены. Никаких признаков жизни не было заметно.

Рапозо подал знак своим спутникам. Один за другим они переползли через гребень горы и укрылись за кустарником и утесами. Затем отряд осторожно спустился по склону в долину и, сойдя с тропы, стал лагерем около небольшого ручья с чистой водой...

На следующий день утром Рапозо выслал вперед авангард из четырех индейцев и последовал за ним с остальными людьми. Когда они приблизились к поросшим травой стенам, индейцы-разведчики встретили их тем же докладом: город покинут. Все направились по тропе к проходу под тремя арками, сложенными из каменных плит.

Над центральной аркой в растрескавшемся от непогоды камне были высечены какие-то знаки. Глубокой древностью веяло от всего увиденного.

Арки все еще были в хорошей сохранности, лишь две гигантские подпорки слегка сдвинулись со своих оснований. Пройдя под арками, люди вышли на широкую улицу, усыпанную обломками колонн и каменными глыбами, облепленными растениями-паразитами. С каждой стороны улицы стояли двухэтажные дома, построенные из крупных каменных блоков, подогнанных друг к другу с невероятной точностью; портики, суживающиеся вверху и широкие внизу, были украшены искусной резьбой, изображавшей демонов.

На площади возвышалась огромная колонна из черного камня, а на ней — отлично сохранившаяся статуя человека; одна его рука покоилась на бедре, другая, вытянутая вперед, указывала на север.

Величавость монумента поражала. Португальцы благоговейно замерли. Покрытые резьбой и частично разрушенные обелиски из того же черного камня украшали углы площади, а одну ее сторону занимало строение, воистину совершенное по форме и отделке.

Над главным входом высилось резное изображение юноши: безбородое лицо, голый торс, лента через плечо, в руке щит. Голова увенчана лавровым венком. Внизу была надпись из букв, походивших на древнегреческие.

Напротив дворца находились руины другого огромного здания. Уцелевшие каменные стены были покрыты стершейся от времени резьбой, изображающей людей, животных и птиц, а сверху портала — надпись теми же буквами.

Кроме площади и главной улицы, город был совершенно разрушен. В некоторых местах обломки зданий оказались прямотаки погребенными под целыми холмами земли, на которых, однако, не росло ни травинки. То тут, то там встречались зияющие расщелины, и, когда в них бросали камни, звука падения на дно не было слышно...»

Далее в описании говорилось о том, как путешественники переправились вброд через реку, пересекли болота и вышли к одиноко стоявшему примерно в четверти мили от реки дому. Он стоял на возвышении, и к нему вела каменная лестница с разноцветными ступенями. Фасад дома простирался в длину не менее чем на 250 шагов. Внушительный вход за прямоугольной камен-

ной плитой, на которой были вырезаны письма, вел в просторный зал, где сохранились резьба и украшения.

Это была школа жрецов. Я узнал ее по описанию! Близ этого здания я видел летающих людей!

* * *

Утром я шел по нашей улице с восьмизэтажными домами и не слышал шума автомашин. Кто-то толкнул меня, кого-то толкнул я... У телефона-автомата очередь. Только увидев эту очередь, я понял, что надо делать — позвонить Санину.

...Его не было дома. Я стоял возле телефонной будки и обдумывал версию Фосетта — Рапозо. Черная фигурка — из этого города?.. Может, это и есть город атлантов? Или он мог быть построен на месте древнейшего поселения атлантов. Науке такие случаи известны. Троя, например, отстраивалась много раз — на том же самом месте.

Я стоял у телефонной будки и, помнится, вздрогнул от неожиданной мысли: город не иллюзия, не сон, он существует, его до сих пор прячут джунгли. Значит, те люди действительно летали там у берега реки. Летали. Все правда. Вот почему тот человек не захотел отвечать мне прямо. Он кинул приманку — и я, как голавль, взял ее и попался на крючок. А он исчез. Иначе ведь ему пришлось бы объяснять мне, кто он и откуда прибыл на эту лекцию. Кто он?! И кто она, Рута?! Может, они и выкрали у меня булавку, имея на то серьезные основания? Может, их в гораздо большей степени, чем меня, интересует Атлантида?!

СНОВА РУТА

Я, кажется, не обманывался: город являлся во сне потому, что необыкновенная булавка с таллиевым шариком когда-то покоилась под моей подушкой и принимала сигналы оттуда... Возможно ли это? А без булавки? Если по-настоящему захотеть и все время думать о Руте? Мне уже начинало казаться, что мои воспоминания о городе тускнеют, блекнут, будто отделяются от меня завесой.

И вот однажды...

* * *

Я увидел скалу с уступом, возвышавшуюся над заливом. Человек сидел на уступе, трое других взбирались на плоскую вершину скалы. Краски медленно менялись. Блекли пепельно-синие полосы, рождались зеленые и голубые оттенки. От ветра и вихрей хороводы бликов на растревоженной воде расширялись, потом угасали, на песок под утесом мерно набегали белопенные гребни.

Я не видел лиц этих людей.

Послышались шаги. Ее шаги. Хрустнула галька. Рута стояла под скалой, в руке у нее — туфли с каблуками, расписанными золотыми линиями, и она смотрела на меня так внимательно, что не ощущала пены, kloкотавшей под ее ногами.

Будто бы она рассказывала мне об Атлантиде:

— Я видела, что осталось от былой страны грез... Сначала показался остров Санта-Мария с шестисотметровой горой Пику-Алту. Самолет наш летел низко, и я видела темную воду океана и более светлую над обширной скалистой банкой. Остров покоился на ней как шапка волшебника, укрывающая утонувшее плато. На всем протяжении берега круто обрывались в море, за ними начинались апельсиновые рощи, виноградники, хлебные поля, в складках гор виднелись белые строения. Скалистый утес мыса Каштелу на сотню метров высился над водой. На его плече — маяк Гонсалу-Велью. Этот маяк словно отмечал то место суши, которое ближе всего придвинуто к былой столице атлантов...

— Ты побывала на Азорах?

— О нет, я видела их с самолета. Это был, как бы тебе сказать, туристский рейс, посадки посреди Атлантики не предусматривалось. Но мы пролетели вдоль островной дуги. Остров Сан-Мигель с пиком Вара тянулся как стена — берега тут обрывисты, а на западной оконечности — базальтовые глыбы, отвесные и голые. Здесь наблюдаются магнитные аномалии. Самолет взял курс на запад, и я мысленно распрощалась с Атлантидой. Никто не подумал бы, что она располагалась именно здесь, и горы ее были втрое выше, чем сейчас. Они курились, и прозрачные столбы желто-зеленоватого дыма достигали стратосферы, свивались, образуя ствол причудливого дерева.

— Не здесь ли возникли мифы о дереве мира?..

— Я видела весь архипелаг. Ничего похожего на Атлантиду...

— Назови свое настоящее имя? — попросил я.

— Рутте, — сказала она.

— И давно вы здесь... у нас?

— О да. Скоро я расскажу тебе все.

— Ты видела этот город?

— Да, да!

И неотвязным видением преследовала меня с этих пор женщина, чей образ я наполовину выдумал, но которая теперь естественно и просто олицетворяла собой вечный круг звезд и планет.

ВСТРЕЧА

Рута остановилась в гостинице «Украина», где в просторных старомодных коридорах и холлах звуки гаснут, едва успев родиться, где в полусумраке цветут бразильские лилии, где метровые стены отгораживают вас от уличного шума и от людей.

В номере горел голубой свет кварцевой лампы, Рута была в черной блузке со шнурками бордового цвета на рукавах и груди. Тонкая шея была открыта; она заявила мне, что лечится от простуды, а кварц привез какой-то неизвестный поклонник вместе с букетом цветов (на окне загоразживал дневной свет изрядный веник полуувядших астр). Рута была в театре, и сосед по креслу сразу определил, что ей нездоровится. Так оно и было.

В ней многое изменилось за тот год, что мы не виделись. Была она бледна, черты лица заострились. Волосы, иссиня-черные, были собраны в пучок, очки в черной оправе старили ее. На ней все было темное, до антрацитового блеска, даже туфли и нейлон. Мы выключили кварц. В тусклом дневном свете, едва проникавшем из-за цветов на подоконнике, лицо ее обрело живые краски. Она достала из пачки тонкую длинную сигарету и закурила.

— Можно поцеловать твою руку?

— Можно.

— Можно я буду твоим поклонником?

— Можно, можно...

Ее рука легла на мою голову, и я почти со страхом вдруг стал различать оттенки черного: темно-сизый рисунок на юбке, угольно-черные складки на тонком колене, обсидиановый блеск туфель, сверкание графитовых чешуек и зерен на щиколотке; и потаенное бело-розовое свечение выше их, и бело-голубой свет, едва-едва пробивавшийся еще выше. Как будто сияли валторны в темноте, когда свет скорее угадывается, чем ощущается. Казалось, что все в комнате стало призрачным. В легком дыму осталась одна реальность — поблескивавшие серебром овалы, шнуры цвета бордо и цвета кофе, растягивавшиеся, как змеи на дереве.

Словно две огромные черные ольхи, выпрямившись, стяхнули змей, непроницаемо закрыли от меня половину пространства комнаты, потом другую ее половину, и вверху среди электрического шороха слышались низкие звуки дыхания, как будто это дрожали валторны от неумелых прикосновений музыканта или птица на взлете хлопала крыльями. В темном зеркале напротив отражались глаза. Все остальное непередаваемо искажалось мертвым стеклом: крылья неведомых птиц скользили по черной тонкой коре деревьев, пересекая их поперек и наискось от самого низа до самого верха.

Потом — минута прозрения, ясности.

Я тонул в тенях от ее ног, на светлом фоне они снова напоминали о деревьях, и все было преувеличенным, фантастическим, черное слепило меня, попадая в снопы тусклого света, белое успокаивало. В настенном зеркале промелькнули мои расширившиеся глаза, зерна зрачков были чужими, я не узнал себя. Что это стряслось со мной сегодня? Все вокруг испускало теплые, даже горячие лучи, как если бы из преисподней поднялось вулканическое тепло.

— Я думал о тебе...

— Знаю, знаю...

* * *

— Жрец из египетского города Санса, о котором упоминает Платон в своих диалогах, сказал: «Светила, движущиеся в небе и кругом Земли, отклоняются от своего пути, и через долгие промежутки времени все находящееся на Земле истребляется посредством сильного огня». Это так точно, что ни одна из гипотез гибели Атлантиды ничего не добавила к этим доводам.

Ни предположение о захвате Луны нашей планетой, ни ссылки на столкнувшийся с Землей астероид не новы: жрец сказал все это и даже много больше в свойственной древним лаконичной манере... Я много раз читал это место у Платона, но понял не сразу. Что к этому можно добавить?

— Добавить можно многое, — сказала Рута. — Если бы ты знал, как мне страшно иногда становится от мысли, что должен преодолеть разум, познающий космос! Вечная борьба... столкновения интересов... странные формы жизни, которые вдруг выползают, точно призраки и гидры из неведомых областей пространства, того самого, которое мы вчера считали познанным, изученным и совсем-совсем нашим.

— Что ты говоришь! Разве так уж много обитаемых планет в ближайшей окрестности?

— Я говорю не только о планетах. Разве ты не слышал, что жизнь существует иногда при очень высоких температурах? И не только бактерии, но и моллюски, и членистоногие. В вулканических разломах порой образуются новые формы. Чего от них ждать, никто не знает. Об этом даже не задумываются. И генетический код вовсе не универсален. И это здесь, на Земле. А там?..

— Где там?..

— В горячих океанах планет-гигантов, обращающихся около звезд главной последовательности. На спутниках пульсаров. В недрах полустывших солнц...

— И там есть жизнь?

— Цепь жизни бесконечна в пространстве и времени, вечна, неуничтожима, как и вся материя. За миллиарды лет она совершенствовалась во всех направлениях и создала, породила феномен разума. Но породила и другое — способность отрицать разум. Этой способностью она наделила изумительно стойкие соединения молекул и атомов, которые страшнее ржавчины. Но отрицать разум могут лишь носители антиразума. Этот антиразум тоже форма разума, как это ни парадоксально звучит. Он лишь борется с нашей формой, но борется по своим законам, познать которые мы не смогли. Но мы знаем, что за много лет Саисский астероид — позволь мне его так называть — потерял изрядную долю вещества. Он весь был словно источен червями. Неведомая сила столкнула его затем с орбиты, и он упал на Землю. Случилась катастрофа, тебе известная...

— Не может быть!

— Это так. Атланты-кроманьонцы погибли. Совсем другие формы жизни могли бы восторжествовать после того на опустошенной планете. Но случилось второе чудо: человек устоял. Как это произошло, мы не знаем. Ведь планета погрузилась во тьму, в хаос на многие десятилетия. Что было потом? Мы должны это узнать. Это важнее, чем ты можешь себе представить... Проникшие на Землю носители антиразума были подавлены. Может быть, сыграло свою роль биополе? Никто из нас не может пока ответить на подобные вопросы. Вот почему мы изучаем древние руины, первобытные тропы. Они нужны нам в неприкосновенности. От этого зависит будущее. Если вы утратите те качества, которыми обладал кроманьонец с его поразительной

стойкостью, силой, непревзойденным умом, чувством ритма, интуицией, художественным чутьем и умением, то более никто не остановит врага ни на дальних, ни на ближних подступах. Кто помогал кроманьонцам? Не было ли у них союзников и покровителей там, в космосе? Эта сфера знания пока — «терра инкогнита».

— «Терра инкогнита»... — откликнулся я, и голос мой прозвучал для меня самого странно. Рута сказала все, ей было безразлично, верю ли я сказанному.

— Ты можешь считать это фантазиями, но не исключено, что антиразум, не одолев кроманьонца сразу, лишь дал отсрочку. Он готовился к прыжку. Он точно рассчитал, что человек изменит мир и, изменив его, изменится сам. Тогда и то и другое станет его легкой добычей. Не подкрадывается ли он к нам с неожиданной стороны, откуда никто не ожидает нападения?

— Откуда же, Рута?

— Изнутри. Из наших собственных живых клеток? Не готовит ли он себе обитель в генах? Иначе как объяснить логику тех, кто отказывается думать и заботиться о будущем? И это тоже «терра инкогнита».

— «Терра инкогнита». Неизвестная земля. Это будущее, о котором некоторые не хотят думать, принося его в жертву сиюминутности...

В этот день я услышал и об экспедиции Хуана Беррона.

— Это аргентинец, — сказала она спокойно, — живет в Париже, там же вышла его книга о поисках Перси Гаррисона Фосетта. В предисловии к ней Хуан Беррон писал, что поиски пропавшей в 1925 году в дебрях Амазонки группы Фосетта были лишь предлогом, главной же целью экспедиции следует считать съемку экзотического фильма. Следует считать... — Она откинула голову так, что бусины ее зрачков сузились от света, и пристально посмотрела на меня, словно ждала моего мнения.

Я ничего не знал об экспедиции Беррона.

— Съемка экзотического фильма, — повторила она. — И ради этого участники экспедиции подвергались смертельной опасности! Их ждали встречи с электрическими угрями, разряд которых парализует человека, черными пятиметровыми кайманами, красными муравьями, змеями и пауками-птицедами, от одного вида которых сошел с ума и застрелился летчик, совершивший вынужденную посадку в Мату-Гросу! Не слишком ли скромна цель, которую поставил Хуан Беррон?

— Но ведь и съемки кинофильма о джунглях — задача не из простых, — заметил я. — До сих пор этот район мало изучен... и Фосетт был прав, когда выражал надежду на встречу с неизвестным именно здесь.

— Фосетт был прав. Вот только фильмов многовато. Беррон не такой человек, чтобы рисковать своей жизнью из-за сто первого ролика о жизни тропического леса, похожего на сто других.

— Неужели ему не удалось снять ничего нового?

— Удалось, конечно. Но если ты увидишь ленту, то сам убедишься, что только для этого он вряд ли стал бы снаряжать экспедицию.

— У вас есть фильм?

— Да. Копия. Может быть, как раз очень разумно выступить в роли беспристрастного свидетеля именно тебе. Думаю, ты сможешь рассудить, прав или не прав был Беррон.

— Ты говоришь так, словно знаешь о подлинной цели экспедиции, и умалчиваешь о ней нарочно, чтобы я сам догадался. Так?

— Ты прав. Хочу, чтобы ты сам догадался. А заодно увидел то, что пора научиться замечать всем.

— Мне нужно посмотреть фильм Беррона. Он имеет отношение к антиразуму?

— Ты сам должен это решить.

— Я могу взять ролик с собой?

— Конечно. Можешь считать это причудой инопланетянки.

— Булавка на юбке тоже причуда?

— Нет, средство дальней видеосвязи...

— ...Видеосвязи участницы экспедиции с другими участниками.

— Нет, отпускницы. Ведь на Пицунде я отдыхала. А база наша близ Хосты. Там у меня отец.

КАРИНТО

Едва я успел узнать имя одного из знакомых Руты (его звали Каринто), как случилось несчастье. Этот человек когда-то говорил со мной об экспедиции Фосетта... вместе с другими он летал близ развалин древнего храма... Это был отдых, обычный для них отдых после работы. Двустворчатая дверь храма — их рук дело: уж больно досаждали по ночам летучие мыши. Каринто не стало. Я больше не увижу человека с другой планеты, который иногда прилетал в Москву на лекции об Атлантиде!

Несчастье произошло через полтора часа после того, как я покинул гостиницу.

На следующий день я был у Руты. Я чувствовал теперь себя как бы одним из них: так хотела Рута.

Я узнал историю авиакатастрофы, в которой погиб Каринто, из сегодняшней газеты, выходящей на испанском. Светящаяся строчка перевода — для меня — скользнула по столбцу, и комната, как мне показалось, вдруг наполнилась прозрачным удушливым дымом.

* * *

— Антиразум маскируется, — медленно проговорила Рута.

— Значит, его нельзя отличить от проявлений разума, от обычных законов природы?

— Можно. Антиразум вручает человеку панацею от всех бед, но она делает его несчастным. Некоторым людям свойственно выбирать самые легкие пути, им свойственна экономия мышления, если выражение это уместно...

— Там, в самолете... Каринто столкнулся с антиразумом?

— Да. Из другой ситуации он вышел бы победителем. Антиразум — самый могущественный наш враг, ему нет равных ни на одной из известных нам планет. Ни молнии, разрывающие

горячую атмосферу Венеры, ни океан жидкого водорода на Юпитере, ни вулканы Ио, его спутника, ни жидкий этан на Титане, обращающемся вокруг Сатурна, ни раскаленные жерла и вихри других звезд и планет — ничто это не сравнится с антиразумом. Хотя внешне он может принять любую самую безобидную форму, перевоплотиться в фею, сирену, грациозного скакуна, девушку под часами, друга, шахматную фигуру, пожертвованную без достаточных оснований, в фешенебельный ресторан, дачу, автомобиль, даже книгу.

...Родригес Мора — я буду называть его так, как называл репортер, не знавший подлинного имени, — сел в самолет в Гайане. Полагаю, при нем были кое-какие материалы экспедиции к развалинам города. Позже Рута подтвердила это... в Порт-оф-Спейн — столице Тринидада-и-Тобаго — самолет приземлился, принял на борт нескольких пассажиров на пустовавшие места. Произошла заминка с багажом. Однако расписание не было нарушено. Родригес Мора задремал и будто бы пробормотал во сне: «Уберите черного щенка!»

— Даже во сне он говорил только на испанском! — пояснила Рута. — Это необходимое условие подготовки к нашим экспедициям. Не было случая, чтобы люди наши проговорились или растерялись — это для нас равносильно катастрофе. А Каринто — один из лучших наших десантников.

Однако на этот раз он чуть не выдал себя. Странная фраза о щенке запомнилась пассажирам, и один из них готов был позднее взвалить вину на самого Родригеса. Это могло оказаться удобным даже для правосудия, поскольку никто не знал, куда ведут концы той нити, которая связана с катастрофой.

Показался остров среди синего моря, окаймленный белыми полосами прибоя, рощами пальм, пляжами и голубым мелководьем, где поднимали паруса яхты и прогулочные катера с экскурсантами на борту спешили от причала к причалу. Родригес Мора проснулся, отчетливо произнес:

— Барбадос.

Самолет подрулил к двухэтажному зданию аэропорта Сиуэлл. Пассажиры вышли. Родригес Мора вышел последним. У него был такой вид, пишет репортер, что казалось, будто он заболел в полете. Однако, когда кто-то вызвал врача, он вежливо отказался от услуг. За десять минут до посадки откуда ни возьмись выскочила черная собачонка. Опрометью бросилась она к самолету и исчезла. Никто не успел толком понять, что произошло. Ее не было нигде, вот и все. Конечно, если бы тогда знали, к чему приведет это маленькое происшествие, то свидетелей было бы больше и они были бы более внимательны. Это так. Родригес Мора и бровью не повел. Но два этих факта — появление черного щенка и оброненная во сне фраза — все же привлекли внимание. Возможно, только потому, что Родригесом заинтересовался врач. И врачу этому кто-то сказал, что Родригес бредил в полете. Слова о черном щенке стали достоянием прессы. Что это было? Рута не знала. Десантники могут предугадывать ход событий в экстремальных ситуациях. Долгие тренировки вырабатывают это умение. Но тут кто-то мешал Родригесу-Каринто.

Самолет взлетел. Через четверть часа после этого в башне командно-диспетчерского пункта аэропорта ожил динамик:

— Сиуэлл! Внимание!..

И все. Ни одного слова больше. Самолет развернулся и взял курс обратно на Сиуэлл. Туристы и купальщики видели, как машина, сверкая на солнце, неслась к морю по снижавшейся траектории. За самолетом тянулся дымный след.

— Родригес погиб, — сказала Рута. — Это мы узнали вчера, до выхода газет. Он мог бы воспользоваться неприкосновенным запасом, который дается любому из нас. Что это значит? Ты видел, как они летали над городом... Он мог открыть люк и выброститься из него. Было мало времени. С самой простой земной техникой вроде задраенного люка не так-то просто совладать. А может быть, он хотел кого-то спасти. Не успел. Или ему помешали. Кто? Мы не знаем. Да, есть антиразум. Но чудес не бывает. Должен быть и материальный его носитель.

Рута рассказала, что спасатели нашли самолет на глубине тридцати семи метров. Погибло семьдесят девять человек.

Один из них был Каринто, он же Родригес Мора, десантник тридцати восьми лет, прошедший на Земле около года в поисках истоков человеческого разума и врагов его, бесстрашный и благородный, как все десантники, направлявшиеся на планеты.

История с черным щенком успела стать газетной сенсацией. Когда к месту катастрофы подошло спасательное судно, когда разрежали автогенем фюзеляж и водолазы выполнили свой долг, тогда во время последнего, восемнадцатого погружения один из них нашел в хвостовой части самолета черную собачонку. Она походила на простую дворняжку. Вот только внутренностей у нее не было. И брюшная полость ее оказалась раскрыта, как если бы это была старомодная меховая муфта, которую разрежали ножницами вдоль. Что туда было вложено? Взрывчатка?..

Теперь я знал: антиразум мешал поискам Атлантиды, мешал вообще всем поискам.

ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРРОНА

У меня была копия фильма Беррона, и я не нашел ничего лучшего, как посвятить в эту тайну своего друга Владимира Санина. Почему этого не следовало делать? Да потому, что я уже вполне осознал опасность антиразума.

...Это было дома у Санина, на Часовой улице. Он включил проектор, и мы стали смотреть фильм, припоминая соответствующие места из книги. Выражение лица Санина, его легкие брови, выпуклые светлые глаза, светившиеся в полутьме, подсаказали мне в тот вечер мысль, что он похож на кроманьонского следопыта. Удлиненная его голова отбрасывала на стену тень, неровный овал которой свидетельствовал в пользу моего наблюдения: ведь кроманьонцы — долихоцефалы, длинноголовые.

Теперь я должен предоставить слово Беррону. (У нас были его фильм и книга — живое свидетельство путешествия, тайну которого предстояло раскрыть. Но это можно сделать, лишь выслушав участника и очевидца.)

* * *

...Ночь темна, вода кипит в водоворотах, подхватывает наши катера, разворачивает их, сталкивает и бросает на вырванные с корнем деревья, мчащиеся в неудержимом потоке. К полудню мы оказываемся в более широкой части реки Арари. Но она мелководна, и нам то и дело приходится спрыгивать в воду, чтобы облегчить лодки и перетащить их через мели. Изнуренные, мы решаем передохнуть на ферме Белем.

Ферма Белем — бедный домишко на деревянных сваях с крышей из пальмовых листьев. Впрочем, в этом районе любое жилище напоминает большой зонтик, защищающий его обитателей от дождя и солнца: температура 25 градусов здесь держится круглый год. Гамак, маленький сундук, заменяющий шкаф, стул, кастрюля и обязательный кофейник — вот и весь нехитрый скарб фермы. В каждом доме есть и оружие — мачете, напоминающее саблю. С его помощью люди прокладывают себе дорогу в тропическом лесу, режут хлеб, когда он есть, разрубают туши животных, открывают консервные банки.

Мы голоды, но на ферме почти нет съестного. Хозяйка дала нам лишь по маленькой тарелке мучной кашицы из корня маниоки, а ее муж любезно предложил по чашке кофе и обещал вечером устроить пиршество. Здесь никогда не спешат и все говорят «эспера» — подожди!

Расположившись на полу, мы наслаждаемся кофе. Через дыру в полу Жерар замечает, что под нами что-то копошится. Огороженное под домом место кишит кайманами. Нанятый нами во время экспедиции известный по всей Амазонке охотник и укротитель животных Мишель сказал, что кайманы съедобны. Они могут обходиться без пищи и воды два-три месяца. Их сохраняют живыми, потому что на жаре мясо портится с невероятной быстротой.

Несмотря на усталость, мы идем смотреть, как хозяин выпустит из ямы одного из своих двухметровых пленников. Извлеченный наружу кайман шумно дышит, упирается, сопротивляясь человеку. Мишель ударами топора удивительно легко и точно отрубает ему голову, отделяет хвост. Тело и голова отброшены в сторону, а хвост, являющийся единственной съедобной частью, разделяется на большие куски. Он будет зажарен..

* * *

Что-то было в этом фильме... такое, что настораживало, пугало. Я не мог понять причину. Группа выходила на поляну или на берег реки, но лица у многих оставались равнодушными, как бы кукольными, словно их не привлекала новизна, не радовало открывшееся небо. Как объяснить это? Если кто-то и выражал свои чувства, то звучало это не совсем естественно. Может, они устали?..

* * *

..Индейцы идут легко, без затруднений ориентируясь в зарослях. Мы же, наоборот, испытываем муки ада, пробираясь через сеть ветвей, длинных тонких лиан, режущих, колющих, превращающихся в подвижные кольца вокруг шеи и ног как раз в тот момент, когда нужно прыгать через влажные и вязкие корни.

* * *

Очередной привал. Люди располагаются на циновках, горит костер перед входом в большую палатку, над огнем булькает вода в котелке, подвешенном на треноге. И вдруг тренога исчезает. На одно мгновение. Но у меня быстрая реакция, и я успеваю отметить сей немаловажный факт. Этой треноги — связанных коротких жердей — не было долю секунды. Для режиссера это могло пройти незамеченным. Равно, как и для зрителя, впрочем. Или фильм монтировался в такой спешке, что сюда попал предыдущий кусок ленты, соответствующий моменту, когда горел костер, но тренога еще не была установлена?

Новые кадры...

Индейцы, вооруженные сарбаканами, которые могут быть приняты за ветки, прячутся среди листвы или в дуплах деревьев. В небольшом футляре, висящем на шее, они носят стрелы, уамири, длиной в тридцать сантиметров, с остриями, смоченными в растворах из различных растений, среди которых самым страшным является яд кураре, или урари, убивающий в три минуты...

* * *

Зачем Беррону понадобилось объявлять, что цель экспедиции — поиски Фосетта, а затем опровергать себя, заявляя, что поиски эти лишь предлог? Почему Беррона интересовали рассказы о племени живарос и высушенных человеческих головах?

Ответ мог быть только один: Беррон хотел убедиться, что, зная тропический лес так, как знал его Баррето, можно пройти самым сложным маршрутом. У Фосетта были проводники. Кроме того, Фосетт знал джунгли, нравы и обычаи индейцев, уважал их, и ему, конечно же, не угрожало многое из того, что представляет смертельную опасность для новичков.

— У меня сложилось мнение, что он все же искал следы Фосетта, — сказал Санин, когда я спросил его об этом.

Я был согласен с ним. И все же почему Беррон отрицал этот факт?

— Он не хотел, чтобы об этом знали, — ответил на вопрос Санин.

— Да, но он вначале сам заявил во всеуслышание, что будет идти по следам Фосетта! — воскликнул я.

— Что ж, — сказал Санин, — этого нельзя было скрыть. Но это традиционная цель многих экспедиций на Амазонку, и заявление вряд ли кто-нибудь принял всерьез. И когда Беррон откестился от него, ему поверили! А он, судя по записям, все же думал о Фосетте.

* * *

Где-то в начале фильма были горы и скалы, настоящая горная страна, по словам Беррона. Но чего-то не хватало...

Я думал об этой горной стране и не решался высказать вслух подозрение: с лентой кто-то основательно поработал без ведома участников экспедиции, которые должны были увидеть затерянный город! Возможно, его видел и Фосетт. Что с ним после этого случилось — никто не знает... Даже само описание горной страны в книге Беррона какое-то невинное, невыразительное, не говоря уже о соответствующих кадрах фильма, — там она лишь промелькнула.

Фильм был смонтирован вопреки замыслу Беррона — вот к какому выводу пришел я. Кто-то не хотел, чтобы мы видели этот город. И даже отснятые там, на его развалинах, кадры исчезли. И кто-то торопливо склеивал фильм из обрывков. И добавлял при этом свое. Так уничтожалась память о прошлом, об индейцах — дальних потомках latinoамериканских кроманьонцев и атлантов.

ДИАЛОГ ПРИ СВЕЧАХ

Да, Беррон искал следы экспедиции Фосетта.

Я встаю, хожу по комнате, потом иду в ванную, расстегиваю ворот рубашки, подставляю шею, голову, руки под струю холодной воды. И мысль моя растягивает частицу экранного времени, многократно воспроизводит ее — каждый раз иначе. Напрашивается ответ: ленту монтировал кто-то другой, не Беррон, не его помощники, не монтажер и не режиссер.

А сама экспедиция? Была ли она? Может, это всего лишь гипноз, внушение? Немыслимо! Немыслимо... Само слово означает нечто несусветное. Но это и есть абсурд, антиразум! Ему не нужна была экспедиция. Не нужны в джунглях следы человека, который искал следы других людей. Невозможно? Нет, с точки зрения антиразума это как раз возможно, даже очень. Я чувствую истину: кто-то усыпил Беррона и его спутников. На экране... кинодвойники. И литературные двойники — в его книге.

Для антиразума не важны детали, мелочи, как важны они для нас, людей. Когда-то кроманьонцы выжили благодаря обостренной наблюдательности. Они были настоящими следопытами, подлинными художниками.

Что же нужно людям согласно сценарию антиразума? Побольше убийств, анаконд, зубастых кайманов, человеческих голов, высушенных для коллекций. Чтобы поубавилось мужества у желающих пройти тропами Фосетта, другими дорогами — в неведомое.

* * *

Ко мне заехала Рута, и я рассказал о своих впечатлениях.

Я внес в комнату две зажженные свечи, вышел на кухню, нашел третью свечу в старом ящике под столом — стеариновый

огрызок. Когда три огня осветили комнату, достал увеличенное фото мадленской женщины-кроманьонки. Поставил картон на стол между двух свечей, третью отодвинул. Считают, что кроманьонцы не могли изображать лица. Это не так. Лицо женщины было вырезано из кости двадцать тысяч лет назад.

— Мастеру светил факел, точнее, три факела, — сказал я. — Как сейчас. И он видел лицо живым и смог передать почти неуловимое состояние этой женщины, когда она думает о чем-то своем, быть может, вспоминает волшебные минуты, которые не повторяются. Смотри внимательнее — и ты увидишь в этом лице много больше того, что привыкла видеть. Оно свободно от тревог и забот, одно светлое раздумье и спокойствие озаряют его.

— Она видит нас! — тихо воскликнула Рута.

— Да. Как тогда. Она и тогда видела нас. Мы ее дети, потомки. Мы почти такие же, как она. Только она немного выше ростом, и руки ее умеют больше, чем наши.

— Их было мало, — выдохнула Рута. — Как они выжили? Как смогли?

— Смотри на эти свечи. Бессмысленно оглядывать статуэтки в витрине, они там мертвы. Но как только загораются три огня, дающие глубину пространству, мы ловим этот миг: на нас смотрит живое лицо, живые глаза.

Как бы между прочим я спросил ее, долго ли они добрались до Земли.

— А как ты думаешь? — Она сжала рукой тугий пучок волос, подошла к настенному зеркалу, заколола пучок второй металлической заколкой.

— А как ты думаешь сам? — повторила она вопрос как будто бы издали, словно мои слова о перелетах разделили нас невидимой преградой. Может быть, лучше было не спрашивать ее об этом?

— Я думаю, — сказал я, — думаю, что прическа пучком тебе не так идет, как свободная прическа. Это потому, что ты молода, похожа на студентку и совсем не похожа на инопланетянку. А раз так, полет не должен занимать много времени. Если, допустим, вы стартовали, когда тебе было всего десять лет по нашему земному счету, то сейчас тебе примерно девятнадцать. Девять лет, вот сколько нужно лететь до нас.

— Ты ошибся дважды, — ответила Рута. — Во-первых, мне не девятнадцать, я старше. Во-вторых, девять лет — это было бы очень много даже для нас. Мы не боги, даже не кроманьонцы. И мы не бессмертны. — Она отошла от зеркала, волосы ее снова накрыли плечи, они струились мерцающими антрацитово-темными волнами, и, когда я приблизил руку, одна из этих волн, ближайшая ко мне, оттолкнулась.

— Я расскажу... — она поправила волосы почти неуловимым движением и быстро улыбнулась одними губами.

Выходило, что я не понимал до сих пор, почему недостижимы очень большие скорости, скажем субсветовые. Я думал, что они опасны для человека. Но не в этом дело! Опасны не скорости, а ускорения. Ведь именно ускорения вызывают перегрузки. Но можно ли достичь скорости без ускорения? Нелепый вопрос! Конечно, нельзя. Значит, перегрузки все же ограничи-

вают возможности полетов? Отнюдь. И разобраться в этом просто: спинка пилотского кресла получает ускорение и давит на человека, а сам он стремится сохранять состояние покоя, вот в чем трудность. Корабль сохорняется, а пилот получает импульс движения от кресла, причем такой, что это все равно как если бы человек плюхнулся в это кресло с огромной высоты. Но есть выход: нужно, чтобы пилот, а точнее, каждая клетка его тела получила ускорение одновременно с кораблем. Или, строго говоря, все молекулы и атомы внутри корабля должны получить импульс движения одновременно. Тогда не будет никаких перегрузок. Можно ли это сделать? Да. Движение сообщается с помощью поля, которое действует на любую мельчайшую частицу — и на пилота тоже. Движение начинается сразу, строго одновременно, нет ни деформаций, ни перегрузок в общепринятом смысле этого слова.

— Ясно? — спросила Рута, и я кивнул, но у меня был такой вид, наверное, что она добавила: — И все же это сложно, гораздо проще сделать корабль достаточно прочным, а поле применить лишь для ускорения людей в особых отсеках. На твоём языке их можно назвать левитрами. Слово мне так нравится, что с твоего разрешения я буду и впредь именно так называть эти отсеки или кабины.

— Разумеется, у меня нет возражений.

— В каждом левитре помещается два-три человека, иногда один. И кабины эти обычно выступают из корпуса, совсем как глаза глубоководных рыб, о которых ты мне рассказывал. — Она достала из сумки рулончик темной пленки, развернула его, и пленка вдруг затвердела, образовав большой квадрат, который она приколола булавкой к стене. Булавка была маленькая, золотистая, с зеленым отливом, как крылья бронзовки на солнце.

— Это тебе! — выдохнула она. — Я давно хотела подарить тебе на память рисунок или картину. Видишь, там звезды, а вот наш корабль. Кажется, он крадется среди созвездий. Но это не так: летит он очень быстро, весь полет от нас до вас занимает не больше трех часов. Потому что корабль с левитрами. Их восемнадцать. Картина называется: «Корабль с восемнадцатью левитрами в созвездии Центавра». Это название ты должен запомнить, не рассказывай об этом случайным людям, ведь ты доверчив, как кроманьонец, и, как кроманьонец, не защищен от клыков троглодитов, нападающих на тех, кто дремлет или мечтает.

АТЛАНТИДА ПОГИБЛА ЛЕТОМ!..

Я искал для Руты и ее друзей подтверждения необыкновенных способностей кроманьонцев выживать в трудных условиях. И нашел их... в современных данных метеорологии, например. На всей планете тогда и сейчас атмосфера дышит, в ней рождаются и умирают течения и вихри, тепло и холод переносятся на тысячи километров вместе с воздухом. Но перед тем как мы погружаемся в холодное или теплое течение, пришедшее, быть может, с противоположащего континента или полярных

островов, возникают едва ощутимые изменения. Никто не знает, почему некоторые люди одарены способностью предсказывать погоду на три дня вперед. Может быть, им помогают ионы?

Организм наш может улавливать первые же признаки борьбы между двумя воздушными течениями: перед сменой фронтов погоды кровь свертывается быстрее; она гораздо скорее рассасывает сгустки, грозящие нашему здоровью, если ожидается наступление холодного фронта. Я нашел описание тех изменений, которые наверняка должны происходить, но которые не всегда известны медикам: особенно чувствительны эндокринные железы, они меняют содержание в крови сахара, кальция, магния, фосфора. Мне осталось сопоставить эти цифры с картами расселения кроманьонцев, с маршрутами их передвижений, с местами временных стоянок.

Когда я сообщил о своей работе Руте, она была изумлена:

— Ты и вправду доказал, что кроманьонцы маги и кудесники. Они улавливали такие изменения в собственном организме, какие нельзя измерить даже чувствительными приборами. Что ты думаешь об ионизации воздуха?

— Думаю, что перед грозой именно положительные ионы дают себя знать. Самочувствие резко ухудшается, страдают не только астматики и больные туберкулезом, но и вполне здоровые люди. Наоборот, после грозы наступает улучшение, и это только оттого, что в воздухе много отрицательных, полезных для нас ионов.

— Но ты приписываешь кроманьонцам способность предсказывать сильные грозы за два дня до того, как они разражались над их головами.

— Приписываю? Ничуть не бывало. Они и вправду предсказывали их. Может быть, ощущали ионный состав воздуха, а может...

— Что?

— Наверное, они видели будущее. Были ясновидцами, что ли... Ты знаешь мою точку зрения.

— Знаю. Им действительно нужно было видеть будущее, знать его. И если глубоководные рыбы опережали в этом человека, превосходящая всем своим поведением катастрофы и извержения, то человек тоже... мог.

— Конечно, мог. И может. Один мой знакомый, по крайней мере...

— Кто?

— Санин. Он изучает майя, ацтеков, этрусков.

— И предсказывает будущее...

— Да, если угодно. Только он просил об этом не распространяться. Могу познакомить тебя с ним.

— Мы уже знакомы...

— Вот как?

— Да, но это долгая история. Знакомство произошло на нашей базе в Хосте или даже еще раньше...

— Почему же он молчал?

— А ты?

— Я думал, об этом не стоило распространяться. Контакты меняют будущее.

— Вы с ним единомышленники.

— Да, единомышленники, — подтвердил я. — В Ленинграде нам довелось ознакомиться с образцами тропической многолетней пшеницы. Она обнаружена недавно колумбийскими учеными в равнинных районах страны. У зерен этого злака высокие питательные свойства. Он выдерживает ливни, сильные ветры, даже бури, его можно скашивать много раз подряд, не заботясь о севе. Никто из индейцев не мог рассказать ученым о происхождении этой культуры. Когда вспоминаешь запущенные заросшие сады на месте давних пепелищ, невольно ловишь себя на желании отыскать следы первых атлантов, поселившихся на материке.

— В том городе, который ты видел во сне, тоже была известна эта пшеница. Мы нашли ее близ храма. Там заброшенные поля... ты их, наверное, помнишь...

— Да. Помню город в джунглях и храм.

Я рассказал Руте о записях конкистадоров. Я читал их в переводе Санина. Она о них не знала, никто из них, кроме Каринто, оказывается, не изучал так называемых косвенных источников.

Конкистадоры вспоминали о таинственном городе в Америке, о дворце с колоннами или башнями. К дворцу вела каменная лестница. Два ягуара на золотых цепях охраняли вход. На вершине центрального столба, на восьмиметровой высоте, сияла искусственная луна, молочно-белый шар, свет его был так силен, что рассеивал тьму тропической ночи. Днем же солнце затмевало его сияние.

В одном из своих писем из Бразилии Фосетт писал: «У этого народа есть источники света, неизвестные нам. Они унаследовали их от исчезнувшей цивилизации...» Манданы, белые индейцы Северной Америки, помнят время, когда предки их жили в городах, освещенных негасимыми огнями. И города эти располагались где-то за морем. Как будто бы индейцы помнили об Атлантиде.

* * *

Я рассказал Руте, как представляю себе гибель Атлантиды:

— Из недр земли, разбуженных астероидом, выплеснулась магма, смешалась с океанской водой, поднялось чудовищное облако, закрывшее планету погребальным саваном. После водяного вала, смывшего все и вся на побережье Западной Европы через три часа, на побережье Восточного Средиземноморья через пять-шесть часов после падения «огненного змея», Земля дрогнула, начались извержения вулканов. Даже из-под бушевавшей воды показывали они свои раскаленные жерла. Черные фонтаны устремлялись в стратосферу, распыленная магма, вулканический пепел плотными тучами окутывали моря и залитую водой сушу слой за слоем, опускаясь вниз с ливнями. Небывалой силы грязевые потоки заполнили речные долины, бушевали грозные сели, губившие все живое. Так погибли мамонты в долине Берелеха и других рек. Тому есть доказательства...

— Мы знаем об астероиде, об извержениях вулканов... Астероид не исчез, он лишь пробил земную кору. Там, в районе

Бермудских островов, он до сих пор медленно тает в обтекающих его потоках магмы. Но мы никогда не связывали гибель Атлантиды с гибелью мамонтов. Это ведь косвенные доказательства. Расскажи о мамонтах!

— На Берелехском кладбище погребены сотни мамонтов. Когда-то там росли густые травы и кустарники. Мамонтихи и мамонтята паслись, взрослые самцы поодаль от реки охраняли стадо от хищников. Сель затопил всю долину, сейчас там открыты кости: целые полуострова из костей молодых мамонтов и самок. А в коже их найдены кровавые тельца — признак удушья... Сель нес ветки, деревья, шишки, остатки насекомых и грызунов — все это найдено в том слое. Радиоуглерод показывает 11 800 лет. Такой ответ пришел из Ленинградского университета, куда я послал кусочки ископаемого дерева. Я написал в Дублинский университет, и мне ответили, что возраст ила в озере Нонакрон в Ирландии тот же — 11 800 лет. Нули вместо двух последних цифр объясняются возможной погрешностью метода. Оказывается, время года, даже месяц можно определить точнее, чем год. Атлантида погибла летом, скорее всего в июле, об этом свидетельствуют остатки насекомых.

— В июле, — задумчиво откликнулась Рута. — Когда паслись мамонты...

Я попросил ее рассказать об антиразуме.

— Антиразум — это иной темп времени, это жизнь, базирующаяся на вакуум, — сказала она. — Отсюда призывы покинуть Землю, разрушить ее с помощью геологических бомб, созданных квазилюдьми будущего, ибо она лишь помеха, как помеха — нынешние люди, их прошлое, их культура, память, уводящие в сторону от использования энергии вакуума. Вот вкратце кредо энтропийного разума. Планеты лишь пена в океане вакуума. А главное — скорости! Скорость мысли, скорость передвижения... Антиразуму мешают комки протоплазмы с их титановыми кораблями, мешают густки вещества, именуемые звездами и планетами. Что из того, что Франс Гальс или Леонардо да Винчи — гении? Что Ван Гог изобразил на своих полотнах звездное небо с такой точностью, что к ним можно обращаться с большим успехом, чем к астрономическим справочникам? Что поэзия Тютчева свидетельствует о генетической памяти, поскольку передает эмоциональные обороты, обычные для русов — сынов леопарда шестого тысячелетия до нашей эры? Ничего из этого не следует, а если и следует, то лишь одно — все это должно быть поскорее забыто, как пережитки прошлого, эту пуповину следует перегрызть, чтобы оторваться от Земли, от Солнца и уйти в беспредельность вакуума, затем — сверхвакуума Метагалактики. И если человек Земли еще сильно привязан к земному началу, нужно помочь ему освободиться от него. Для этого хороши все средства, поскольку конечная цель, с точки зрения антиразума, благородна и возвышенна. Сбить с толку, свергнуть в безумие, пустить свершения рук человеческих по замкнутой петле времени, уничтожить генетическую память, а затем память обычную, заменив ее на первых порах электронно-цифровой, а затем — сделать привилегией особого центра, без права доступа туда...

— Неужели можно думать о таком?! — воскликнул я, —

О страшной метаморфозе, которая искоренит все человеческое?

— Это же антиразум! Он надеется на гораздо большее: на то, что все это и многое другое удастся осуществить руками и талантом самого человека.

— Немыслимо!

— А вся галактика? В ее сердце зияет черная дыра. Там нет инфракрасного излучения, оно всасывается в невидимую воронку, об этом уже пишет Чарлз Таунс из Калифорнийского университета. И если только не удастся, не выйдет — антиразум постарается втянуть всю галактику в эту воронку, из которой ничто никогда не возвращается! Но управление черными областями — и антиразум знает это — по силам кроманьонскому разуму, по силам человеку.

— По силам... — как эхо откликнулся я и вдруг почувствовал, как что-то сжалось сердце. Может быть, это было одно из тех предчувствий, которые посещают меня в преддверии несчастий и горестно-тревожных событий.

АНТИРАЗУМ: НОВЫЕ СИМПТОМЫ

С Саниним приключилась странная история, которая могла насторожить кого угодно. Впервые он столкнулся с необъяснимым, с нарушением очевидных законов, к которым привык со студенческой скамьи. Я внимательно слушал его и вспоминал давнюю историю с пурпурным золотом египтян. Кое-какие подробности Санин помог мне восстановить в памяти.

Известный американский ученый Роберт Вуд заинтересовался этой проблемой во время поездки в Египет в начале тридцатых годов. К тому времени, сообщил Санин, золото темно-пурпурного цвета не только не было изучено, но отсутствовала даже гипотеза относительно его происхождения. Оно могло изменить оттенок в результате химических реакций за те три тысячи лет, что пролежало в земле. А может быть, мастера египетских фараонов владели секретами, которые утрачены?

— Вопросов много, ответов не было, — заметил Санин. Его серые глаза казались усталыми.

На старинных украшениях Вуд ясно различал какой-то орнамент — это были розовые и красные блески и звездочки, похожие иногда на плоские кристаллы. Вуд часами рассматривал тончайшую пурпурную пленку, покрывавшую золотые вещицы, так не похожие на современные изделия ювелиров. На одной из сандалий фараона Тутанхамона он обнаружил правильное чередование желтых пластинок и алых розеток — это создавало красивый и неповторимый узор.

Вуд стал завсегдатаем Каирского музея. И он нашел подобное же украшение на короне царицы из следующей после Тутанхамона династии. Похоже было, что секрет передавался от отца к сыну.

Вуду удалось получить, или, попросту, выкрасть, кое-что из сокровищ Тутанхамона и произвести анализ крохотных пленок пурпурного золота.

Все это он описал в британском журнале «Археология Египта».

— Самым интересным было сообщение Вуда о микроструктуре украшений, — сказал Санин. — На поверхности он обнаружил таинственные шаровидные выступы. Вуд назвал их бутончиками.

— Что же было дальше?

— Дальше было гораздо хуже. Я попытался повторить опыты Вуда. Собрал простую лабораторную установку. В запаянную кварцевую трубку поместил несколько крупинок золота, сплавленного, как сообщил Вуд, с мышьяком и серой. Часть мышьяка и серы освободилась в виде пара и светилась внутри трубки. Я должен был затем открыть трубку, охладить насыщенное газами золото и обнаружить эти бутончики Вуда... Пойдем, я покажу тебе ее.

Мы прошли с ним на кухню, которая, я думаю, выдержала множество опытов такого рода, но все еще не взлетела на воздух, быть может, лишь по счастливой случайности. Встав на стул, он нашарил рукой на кухонном шкафу остатки установки и разместил их на столе. Это были тигли, две кварцевые трубки, одна с причудливым зажимом на конце, штатив, система линз.

— Вот в этой трубке я заметил ярко-красное свечение мышьяка и серы, — продолжил рассказ Санин. — Убавил огонь. Стал охлаждать кварц. И замер. Представь себе один-единственный луч заходящего солнца. Тонкий, как игла, пронзительно-красный, горячий. Вот такой именно луч неожиданно вырвался из трубки. Он прошел в пяти сантиметрах от моего лица. Наклонись я за штативом — со мной было бы покончено. Что? Преувеличиваю?.. Ты бы видел, что тогда произошло! Вот здесь остался след.

Он показал мне крохотное отверстие в стене. Оно было идеально ровным. В руке моей оказался кусок проволоки, и я по его просьбе попробовал осторожно просунуть туда проволоку и оценить глубину следа. Проволока вошла на всю длину в отверстие.

— Луч этот прожег стену дома насквозь. Теперь понял?

— Что же осталось в трубке?.. Там же было золото.

— Ничего не осталось. Оно улетучилось. На кварце с внутренней стороны есть черное кольцо, вот взгляни-ка... Это мышьяк. И больше ничего.

— Но не лазер же вдруг заработал у тебя на кухонном столе!

— Нет, не лазер. Потому что энергии лазера такого веса, как моя установка, не хватило бы на подобный фокус.

НА ШОССЕ БЛИЗ БОА-ВИСТА

Передо мной письмо. Я не знаю имени того, кто его написал. Подписи нет...

«Дорогой друг, — начинается письмо, — мы знаем, как тяжелы утраты. Но если будет нужно, мы готовы снова повторить все — от первого шага до последнего. Так бы сделала это Рутте. Так бы это сделал Синно».

Письмо выпало из моих рук. Я сжал голову ладонями. Не

знаю, сколько прошло времени. Я встал, вышел на улицу. Была уже ночь, ясная сентябрьская ночь, и звезды медленно плыли совсем рядом. Прошел ровно год с того дня, когда я впервые увидел Руту. Редкие огни машин казались вестниками из другого мира. На нашей улице кое-где еще горел свет в окнах.

Я брел до самого лесопарка, где шумели темные и таинственные сейчас кроны вековых деревьев. У берега озера, напротив острова, я разделся и поплыл, впитывая холод медленных струй, потом лежал на песке, на жухлой истоптанной траве, не ощущая холода, не чувствуя ничего, кроме раны, от которой сжалось сердце...

Я вернулся под утро. Нашел в конверте вырезки из газет на испанском. И, как прежде, светлая строчка перевода бежала по колонкам.

Синно и Рута выехали из Боа-Виста на спортивной машине. С ними были, как я полагаю, кое-какие документы о затерянном в бразильских джунглях городе, хотя Боа-Виста удален от него на значительное расстояние. Главная и самая трудная часть маршрута была позади. К северу от Риу-Бранку есть шоссе. Там это произошло. Некий Копельо, который был задержан три дня спустя, признался в соучастии.

Признания начинались с утверждения, что Синно угрожал безопасности Центральноамериканского региона, и это откровение, своей нелепостью напоминавшее разве что классические примеры промывания мозгов, поддержано было и в редакционной статье, печатавшейся на соседней полосе.

«Мы обсуждали два варианта, — писал Копельо. — Первый предусматривал обычные мероприятия». Обычными они были, конечно, лишь с точки зрения гангстера: преградить дорогу, окружить машину и пустить в ход оружие, если Синно не желает сдаться.

«Но предложение сдаться на милость победителя было лишь тактической уловкой, — признавал Копельо. — Нежелательный иностранец подлежал ликвидации».

Сам лексикон этого пропитанного ромом джентльмена удачи не оставлял вроде бы места для сомнений. Однако он не был джентльменом удачи, вот в чем дело. За спиной его стояли грозные силы, и я это знал.

Второй вариант заключался в том, чтобы найти добровольца, который дал бы гарантии. Эти гарантии стоили денег, и немалых. Сколько же предлагал Копельо добровольцу за убийство? Пятьдесят тысяч долларов... Имени этого добровольца он не назвал.

В конце концов оба плана были забракованы. Кем именно — об этом пресса умалчивала. Позже я выяснил, что нити убийства тянулись к целой организации, и там, в ее недрах, они исчезали, как это часто бывает. Она была лишь удобной инстанцией для антиразума.

Что же произошло на шоссе?

В семнадцать часов того самого дня из города выехал «джип» с тремя людьми, одетыми в форму военной полиции. За «джипом» следовал грузовик. На шоссе, в семнадцати километрах от города, обе машины остановились. Из кабины грузовика вышли двое в штатском платье, на них были темные комбинезоны и

американские ботинки на толстой резиновой подошве. Они выкатили на шоссе пустые железные бочки и стали наполнять их камнями. Один из тех, кто ехал в «джипе», наблюдал. На работу потребовалось пятнадцать минут. На шоссе было устроено нечто вроде пропускного пункта. После этого грузовик повернул в город. «Джип» отъехал от места засады, возле бочек остались двое. Машина Синно остановилась у бочек с камнями через пять минут после того, как грузовик ушел обратно в город.

— Там женщина! — воскликнул один из переодетых в форму полиции.

В тот же миг «джип» вырвался из укрытия, устроившего из пустых ящиков. Двое — шофер и его напарник — оба в форме сержантов военной полиции — открыли стрельбу. Еще через минуту все было кончено.

Почему Рута и Синно оказались беззащитными? Для борьбы с антиразумом надо вооружаться!

Синно был убит. Рута тяжело ранена...

СЫНЫ ЛЕОПАРДА

Она хотела рассказать мне о статуэтках кроманьонских мадонн... Только Санину удалось растормошить меня, вернуть к давним делам, к предположениям о плавании этрусков в Америку, к статьям — своим и чужим.

Если бы я был художником, написал бы портрет. Но можно ли передать хоть малую часть того, что чувствовал я, когда видел ее, когда думал о ней? Может быть, именно на такой вот случай кроманьонцы высекали из камня своих мадонн, а их потомки еще и записывали их голоса, дополнявшие образ.

В те дни случилось так, что я снова как бы услышал неровную поступь антиразума. Я был у Санина. Сидя в старом кожаном кресле, рассеянно слушал его. Я знал почти все, что он мог сказать, но слушал внимательно: голос успокаивал. Мне легче было забыть с ним тот простой факт, что даже инопланетяне во всеоружии техники оказались бессильны против антиразума. Или, может быть, как раз потому они и оказались бессильны, что техника ослабила иммунитет разума?

Я понимал, что археологи еще не в силах восстановить все ступени, ведущие человека вверх. И Санин пытался проследить этот первоначальный период, который, по нашему убеждению, начинался со времен Атлантиды. Платон писал о войне, которую вели атланты в Средиземноморье. Атланты вознамерились поработить всех, кто населял побережье по эту сторону Гибралтара. Однако они потерпели поражение. Почему? Платон не ответил на этот вопрос. Ясно одно: в Средиземноморье нашлась сила, которая опрокинула атлантов. Это были восточные атланты, кроманьонцы Малой Азии.

— Восточные атланты... — повторил Санин. — Я назвал их так. Города их на побережье уничтожены потоком, но позднее вдали от побережья поднялись поселения Чатал-Гююк и Чайню-Тепези, найденные археологами. Это поселения восьмого-седьмого тысячелетий до нашей эры! Почти то самое время,

о котором пишет Платон. Обрати внимание на любопытную деталь: при раскопках найдено тридцать поколений священных леопардов, высеченных из камня. Тридцать! Леопард сопровождал восточным атлантам, всей их цивилизации. В четвертом тысячелетии до нашей эры хатты называли леопарда «рас». Это близко к родственному слову «рысь»... И было племя расенов-росенов, которое позднее переселилось на Апеннины, в нынешнюю Италию, и стало известно грекам под именем этрусков. Общий язык древности — это язык восточных атлантов, пра-язык. В этруском слове «тупи» осталась память о потопе. Слово это означает также кару. Тупи — топь. Таков дословный перевод. Но у этрусков не было мягкого знака, его роль выполняла буква «и», а гласные буквы тогда звучали неотчетливо, часто они вообще пропускались. «У» звучало почти как «о». Топь! Свидетельство потопа!..

Я соглашался с Санниным. Я мечтал о находках таких же древних городов и поселений в Америке, где странствовал Фосетт. Саннин умолк, и в эту минуту страх сжал мне сердце. Это был странный, необъяснимый приступ. Должно быть, и Саннин испытал нечто похожее. Зерна зрачков его серых глаз расширились. Мы молчали с минуту, вслушиваясь в темноту за окном. Там скользили тени, и если бы они были похожи на силуэты людей, то я нашел бы в себе силы улыбнуться. Но пришло опять это слово — антиразум, — и я точно окаменел. Саннин первым пришел в себя. Он ни слова не сказал об этих тенях, и только позже я понял, что он не в первый раз, наверное, испытывал нечто подобное...

НОЧНОЙ ЭЛЕКТРОПОЕЗД

Утром я выписывал названия рыб, которые обитали близ берегов Атлантиды. Атлантические осетры с оливково-зелеными спинами, серебристые лососи, угри с желтоватыми боками, прозрачные зеленоватые корюшки, круглая масляная рыба с синей спиной, миноги, похожие на змей, скаты. Кроманьонцы били этих рыб острогами, ловили на мелководьях сетями и просто руками, а если надо, ныряли на глубину до восьмидесяти метров.

Позже, вечером, я печатал копии фотоснимков, которые мне прислали. Две давние истории интересовали меня в связи с проблемой антиразума.

В пятьдесят девятом году в пустыне Гоби найден отпечаток ботинка. Возраст песчаника с этим отпечатком — миллионы лет. В Америке, в штате Невада, в слоях, относящихся к триасу, также есть отпечаток подошвы ботинка со следами стежков. Фото документально засвидетельствовало сей факт, но само по себе не помогало ответить на занимавший меня вопрос. Что это? Первая поступь разума на нашей планете?..

В полночь ступное предчувствие встретило меня, но я не обратил на него внимания. А ведь мог разыскать Саннина дома или на улице. в библиотеке или в гостях, где угодно... мог!

Ночью его нашли на железнодорожной насыпи. Машинист электровоза сообщил на очередной станции, что видел челове-

ка, который пытался взобраться на насыпь, но не успел этого сделать. Он упал как будто бы сам по себе, в пяти шагах от электровоза.

...Место мне хорошо знакомо: ветка Рижской железной дороги близ платформы Гражданская. Но что ему понадобилось там глухой октябрьской ночью?..

Умер он от разрыва сердца. Что вдруг случилось? Правда, Санин буквально балансировал в последний год на грани жизни и смерти. Вспомнились опыты с египетским золотом, вспомнились и другие случаи. Я вижу его поздней ночью так ясно, как будто это происходит наяву, а не в моем воображении. Он устал, его преследуют неудачи. Он, в сущности, одинок. Что ему помешалось? Зачем понадобилась ночная прогулка?

Пасмурная, октябрьская ночь, всюду слякоть, лужи, мокрые листья липнут к шпалам... Он словно бы испытывал судьбу в поздний час близ насыпи, как я испытывал ее месяц назад.

* * *

Строчки некролога из журнала, где он печатал статьи и очерки об этрусках и латиноамериканских цивилизациях: «Умер В. Санин, писатель-историк, автор книг «Сыны леопарда», «Этруская тетрадь», «Восточная Атлантида». В последние годы он изучал культуру майя и ацтеков...»

Что я знал о нем?

Трехлетний мальчик с матерью плывет на пароходе к отцу. Пароход минует пролив Лаперуза, и здесь его останавливает японский военный катер. На всю жизнь осталось воспоминание: жаркое солнце над морем, деревянный настил палубы с бухтами канатов, ящиками, бочками. Люди, сидящие на брезенте... Так проходит день, и никто не знает, что будет с кораблем, с людьми.

Потом — раннее детство в стране сопков, распадков, быстрых ручьев и рек. Вот что я прочел в его записной книжке: «В серые дни лета, когда не было солнца, моросило или набегали в долину туманы, я дочитывал книгу, дожидавшуюся меня несколько дней, шел в библиотеку и там проникал в узкие затененные проходы между стеллажами. Меня пускали туда как знакомого, я листал книги стоя, а если попадало что-нибудь интересное, садился на подоконник и глотал страницу за страницей. Это были удивительные часы странствий по джунглям и пустыням, южным морям и островам».

Вот запись на последней странице этой же книжки: «Я и не подозревал, что самое удивительное место на земле — голубая долина, которую я видел каждый день. То была она чаще, в которую сыпались легкие северные дожди, то представляла в желтом и зеленоватом свете солнца, опускающегося за оперенные облаками гребни горных лесов, и казалась лишь миражем, маревом, прибежищем теней, то, наконец, в прямых полуденных лучах обрела плоть и жарко искрилась, сверкая лентой реки, нитями ручьев на крутых склонах сопков».

Позднее — трудная юность, учеба, работа, тысячи прочитанных книг, когда он словно ошущью продвигался к своему настоящему призванию.

У него был характер кроманьонца, иначе он не смог бы сделать и сотой доли того, что успел сделать. Это далекие голубые и синие горы, лишь издали кажущиеся неприступными, подарили ему бродячую натуру и стойкость.

...Все дни его жизни описаны в удивительных книжках с пожелтевшими страницами! И потому он для меня остался живым.

* * *

Неделю я провалялся в постели: болезнь сковала меня, и врач лишь успокаивал, но не мог ничего поделать. Я вспоминал древние рецепты кроманьонцев: змеиный яд пользовался у них особым почетом. Атланты применяли его с неподражаемым искусством. Я сосредоточивался, представлял себе, как капли яда просачиваются в меня, изгоняя смертельного врага. Имя же этого врага я боялся произносить даже мысленно: иначе, мне казалось, он останется непобедимым. Мне хотелось одолеть его, чтобы дожидаться новой встречи с теми, кто путешествует в титановых левитрах от одного звездного острова к другому, как на картине «Корабль с восемнадцатью левитрами в созвездии Центавра».

По ночам мне снились их корабли, сверкающие следы среди россыпей Млечного Пути таяли и манили, и тогда казалось, что тело мое обретает легкость, подвижность, и я могу сам устремиться ввысь и вдаль подобно тающим лучам, пробегающим по небосводу. Увы, утром все оставалось на местах. Тусклая заря подсвечивала стену дома напротив моего окна. Отдернув занавеску, я всматривался в молочно-серую муть. Мне казалось, что это цвет безысходности. Мечта складывала крылья.

Позже, несколько дней спустя, кроманьонский секрет помог мне, и я снова увидел город, основанный потомками атлантов. Только теперь он высоко возносил колонны и крыши к ясному небу и был залит солнцем. Змеиный очищающий яд струился в моих жилах, когда я вспоминал змею на булавке Руты, — священную кобру точно такую, какая украшала некогда и головной убор Нефертити. Я понял назначение алых лент, струившихся по стройной шее вечной женщины, лепестков мака и васильков на ее груди — символов жизни, которая никогда не прервется, стоит лишь однажды познать ее тайну. Не прервется, если не спит разум, если веришь в него.

ИСКАТЕЛЬ

Владимир ЩЕРБАКОВ
Юрий КИРИЛЛОВ
Виктор АДАМЕНКО
Галина ТАТАРИКОВА
Чарлз ВИЛЬЯМС

Цена 60 коп.

